

ЛУЧШИЕ НЕМЕЦКИЕ СКАЗКИ

(В ПЕРЕВОДЕ ГАНСА САКСА)

Якоб и Вильгельм Гримм
Лучшие немецкие сказки

«Aegitas»

Гримм Я.

Лучшие немецкие сказки / Я. Гримм — «Aegitas»,

ISBN 978-0-3694-0135-9

Пропитанные народной мудростью и суевериями сказки братьев Гримм. Написанные ярким, богатым языком, сказки Вильгельма Гауфа. Архаично-суховатые, пронизанные, словно ветром Балтийского моря, строгой моралью сказки Эрнста Морица Арндта. Все эти, так непохожие друг на друга сказки собраны под обложкой этого сборника. Переводчик Ганс Сакс поставил своей задачей максимально точно воспроизвести слово и дух немецких сказок и заставить их заиграть новыми красками. Для детей сказки из этого сборника — это калейдоскоп чудес и приключений, а для взрослых — возможность вновь прикоснуться к «золотому веку» немецкой сказки и вновь погрузиться в безоблачное детство. Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-0-3694-0135-9

© Гримм Я.
© Aegitas

Содержание

1. Сказка о том, кто отправился страху учиться	5
2. Доктор Всезнайка	11
3. Звёздные талеры	13
4. Белоснежка	14
5. О рыбаке и его жене	19
6. Гензель и Гретель	25
7. Братик и сестричка	30
8. Мальчик с пальчик	34
9. Рапунцель	38
10. Гусятница	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ганс Сакс

Лучшие немецкие сказки

1. Сказка о том, кто отправился страху учиться (сказка братьев Гримм)

Были у отца два сына. Старший был умный да смыслённый и всем был по душе, а младший был круглым дураком и не научиться ни даже подметить ничего не мог, а люди, завидев его, восклицали: "Хлебнёт ещё с ним батька горя!". Когда было какое-то дело, то посылался все время старший; и послал его ещё как-то раз отец за чем-то на ночь глядя, а путь шёл то ли через погост, то ли ещё через какое жуткое место, а сын таки ж ответил: «Нет, батюшка, не пойду я туда, страшно.» – видать, испугался. Или когда у огня сказки рассказывали, от которых аж мурашки по коже, слушатели нет-нет, да говорили: "Ух, страшно – то как!" – а младший в это время сидел в углу, слушал, да в толк всё взять не мог, как это понимать: " Всё говорят, страшно, страшно... А мне не страшно. Видно, ещё одно умение будет, в котором я ничего не понимаю."

И случилось так, что отец как-то раз ему сказал:

– Слушай, ты там в углу, ты будешь большим и сильным, и тоже должен чему-нибудь научиться, чтоб зарабатывать себе на хлеб. Смотри-ка, брат твой карабкается, трудится, а ты ... пропащий, одно слово.

– Ох, батюшка, – ответил сын, – я бы очень хотел чему-нибудь научиться. Если уж на то пошло, то хотел бы научиться тому, чтобы мне было страшно; в этом я не понимаю ничего, – старший, услышав это, усмехнулся, а про себя подумал: "Боже милостивый, что же за болван мой брат, да и жизнь его будет никчёмной. Коли с детства согбенный, значит, помрёт горбатым," – а отец вздохнул и произнёс: "Страху тебе следует научиться, но свой хлеб ты так не добудешь."

Вскоре зашёл в дом дьячок. Поведал ему отец свои нужды да пожаловался на непутёвого младшего, что ни к какому делу не пригоден, ничему не учен, да и знать ничего не знает.

– Подумать только, батюшка, я его спрашивал, чем он на хлеб собирается зарабатывать, так он захотел страху обучаться!

– Коли больше ничего не сделать – ответил дьячок, – этому может он у меня поучиться; ты отдай его мне, а уж я-то его быстро исправлю.

Отец обрадовался и подумал: а ну как и впрямь младшенький чему-то хоть немного научится? И так, взял дьячок мальчика к себе домой, чтоб тот в колокола звонил. Через несколько дней разбудил он мальчонку около полуночи, позвал его из постели выбраться да на колокольню взобраться и звонить. Ты у меня научишься страху, подумал он, а сам незаметно вперёд улизнул, и только мальчишка повернулся, да за верёвку колокола взяться хотел, да глядь – а на лесенке, что под дыркой в потолке лицо белое стоит.

– Кто там? – прокричал мальчик, но лицо не отвечало и даже не шелохнулось, – ответь, – вскричал юнец, – если случится, что ты пройдёшь ещё вперёд, спать в эту ночь тебе уже не придётся! – но дьячок стоял смирно, чтобы малец точно подумал, что перед ним призрак.

– Чего тебе здесь надо? Говори, если ты честный малый, иначе с лестницы спущу!

Дьячок подумал: не сделает он этого, и дальше стоял, не издавая ни звука, будто бы каменный. Третий раз кликнул его юнец, и так как ответа опять не было, разбежавшись, столкнул привидение с лестницы так сильно, что призрак пролетел десяток ступенек, да и остался так лежать на углу. После этого позвонил в колокола, пошёл домой, лёг в постель и, не говоря

худого слова, заснул. Дьячиха долго ждала мужа, а он все не приходил. Когда от страха ей совсем стало неважно, то спросила она мальчишку:

– Не знаешь ли ты, где мой муж остался? Ведь он раньше тебя на колокольню залез?

– Нет, – отвечал малец, – но был там какой-то тип на лестнице под дыркой в перекрытии, что и не уходил и не отзывался. Ну, я ему на орехи дал, да с лестницы спустил. Спуститесь, и если увидите, что это ваш муж там лежит, то видно, я об этом ещё пожалею.

Выскочила жена и нашла дьячка, что с переломанной ногой лежал и стонал на углу. Отнеся его вниз, она с истошным криком понеслась к отцу мальчика.

– Ваш мальчик, – кричала она, – принёс нам большое несчастье, он так сбросил моего мужа с лестницы, что тот ногу сломал! Заберите негодника из нашего дома!

Напугался отец, подбежал к сыну и как начал его бранить!

– Что же, – говорит, – это за безбожные шалости ты творишь, будто сам нечистый тебя толкает!

– Отец, – отвечал сын, – выслушай меня, я ведь совсем не виноват. Он там стоял в ночи, не двигаясь, словно злодей какой. Я не знал кто это и трижды его просил назвать себя или уйти восвояси.

– Ох, – сказал отец, – одни беды от тебя. Уйди с глаз долой, видеть тебя больше не желаю.

– Да, отец, будь по-твоему, только подожди как за вечереет, и тогда я хочу уйти страху учиться, так хоть одно ремесло пойму, которым смогу прокормиться.

– Учись, чему хочешь, – произнёс отец, – мне все едино. Вот тебе пятьдесят талеров и иди с ними куда глаза глядят, только ни одной живой душе не говори, откуда ты и кто твой отец, или мне будет за тебя стыдно.

– Да, отец, да будет твоя воля, и если тебе ничего боле не надобно, это-то я сделаю легко.

И вот, как за вечерело, положил юнец себе в торбу пятьдесят талеров, да и вышел и пошёл по дороге, бормоча про себя: "Если бы мне только испугаться! Если бы мне только испугаться!" Тут проходил мимо мужичок, услышалось ему, что парнишка своей тени боится, а знал он ещё, что далее виселица будет, да и сказал ему:

– Смотри-ка, вон там дерево есть, где семерых повесили, а ныне, вон, летать учатся. Посиди-ка ты под ним, подожди до ночи, там-то ты точно страху узнаешь.

– Если больше ничего не остаётся, – ответил юноша, – то это-то легко сделаю. А если ещё и бояться быстро научусь, так тогда тебе точно 50 талеров моих отдам. Только приди ещё раз за мной завтра утром.

Так и пошёл мальчик к той виселице, сел под ней, да и стал ночи дожидаться. Когда он замёрз, то разжёг костёр. Но в полночь поднялся ветер, такой холодный, что несмотря на костёр, теплее не становилось. А так как ветер так яростно стлкнувал повешенных, что вся виселица ходила ходуном, то подумал малый: ты внизу у огня озяб, а этим наверху, как может нравиться зябнуть и трястись? И, так как он был милосердным, то приставил он к виселице лестницу, вынул повешенных из петли одного за другим, да и спустил их вниз. После разворошил и раздул огонь и посадил висельников вокруг, дабы они смогли согреться. Но они сидели и не шевелились, и огнём уже взялась их одежда. Тогда он сказал: "Будьте внимательнее или мне придётся вас обратно повесить," – мертвецы же не слышали и безмолвствовали, и давали огню дальше поглощать их лохмотья. Разозлился он тогда и сказал: "Если вы не хотите следить за огнём, то и я вам не буду помогать, не хочу я сгореть тут с вами," – да и повесил их в той же очередности. Теперь сел он у костра и заснул. Утром пришёл мужичок, чтобы получить свои пятьдесят талеров и спросил:

– Ну, знаешь ты теперь, что такое страх?

– Нет, – ответил мальчик, – Откуда мне это знать? Эти, наверху, за ночь и рта не раскрыли, да и глупые настолько, что позволили нескольким лохмотьям, что они на теле носят,

сгореть, – так и увидел мужичок, что сегодня ему пятьдесят талеров не достанутся, и сказал, пойдя восвояси: "Такого ещё со мной не было. "

А мальчик пошёл своей дорогой да принялся опять бубнить себе под нос: "Если бы мне только испугаться! Если бы мне только испугаться". Услышал это ехавший сзади возница и спросил:

– Кто ты? -

– Не знаю, – ответил юнец. Возница дальше спрашивал:

– Откуда ты?

– Не знаю.

– Кто твой отец?

– Не велено мне это сказывать.

– Что ты там бормочешь себе под нос?

– Ах, – воскликнул малец, – я бы хотел научиться бояться, да никто научить не может.

– Бросай эту пустую болтовню, – сказал возница, – давай, двигай со мной, я уже хочу видеть, как я тебя научу.

И пошёл мальчик вместе с возницей; долго ли, коротко ли, а пришли они вечером в один трактир, да и захотели там на ночь остаться. И вот у входа в горницу малец опять громко запричитал: «Если б мне испугаться! Если б мне испугаться! " Трактирщик, что услышал это усмехнулся и сказал:

– Если тебе так хочется, то у тебя здесь обязательно будет возможность.

– Лучше не говори, – сказала трактирщица, – так кое-кто любопытный уже распроштался с жизнью, так, что лишь ужас и досада застыли в глазах, которым не суждено было более увидеть дневного света, – а юноша сказал:

– Как бы это не было тяжело, но хоть раз постичь надо, за тем-то я и отправился.

Он не давал трактирщику не минуты покоя, пока тот не рассказал, что недалеко от этого места есть заколдованный замок, в котором легко испытать страх, достаточно лишь три ночи в том замке пободрствовать. Король, что владеет тем замком, тому, кто осмелится это сделать, готов отдать в жены свою дочь, что красива настолько, что затмевает солнце; и ещё в замке были несметные сокровища, охраняемые злыми духами, но кабы эти сокровища достать, то любой бедняк сделался бы очень богатым. И много молодцов туда уходило, но ещё никто не пришёл оттуда. И пришёл на следующее утро юноша к королю, и сказал: "Если мне позволят, я хотел бы провести три ночи в заколдованном замке". Приглянулся королю этот юнец, да и сказал король: «Ты можешь попросить три вещи, и они должны быть неживыми, и тогда можешь их взять с собой в замок." И ответил он: "Тогда я прошу огонь, токарный станок и столярный станок с лезвием". Король позволил ему перенести все днём в замок. А как завечерело, поднялся малец в замок, в каморке развёл костёр, столярный станок рядом поставил, да на токарный уселся.

– Ах, испугаться бы, – промолвил он, – или я и здесь ничему не научусь?

Около полуночи захотел он разворошить костёр, и как только он подул в огонь, так вдруг из угла заверещало:

– Мяу! Нам холодно!

– Эй, глупыши, – позвал он, – что же вы кричите? Коли замёрзли, так давайте к огоньку, погрейтесь! – только он успел это вымолвить, как одним мощным прыжком из темноты прискакали две большие чёрные кошки и уселись рядом по разные стороны, хищно глядя огненными глазами. Немного согревшись, спросили они паренька:

– Товарищ, а не желаете ли вы в картишки перекинуться?

– Почему бы и нет, – ответил он, – только предъявите мне сперва ваши лапки.

Тут протянули они свои когти.

– Ух, – воскликнул он, – и длинные же ногти у вас! Подождите, сперва я их обрежу! – с этими словами он схватил кошек за шкурки, поднял их на столярный станок и завинтил им лапы.

– Посмотрел я вам на пальцы, – сказал он, – и желание играть в карты пропало, – прибил их, да и выбросил в воду. И только успокоил он тех двоих, и снова хотел дальше присесть у своего огня, как со всех сторон накинудись на него чёрные кошки и чёрные собаки на огненных поводках, и с каждой секундой всё больше и больше, так много, что он больше не мог двигаться. Они противно кричали, толкали мальчика в огонь, тянули каждый на себя, будто хотели разорвать на части. Когда все немного успокоилось, он увидел, что дело дрянь, и тогда схватил он столярный станок, и, рывкнув: "Брысь, шушера!", запустил его в свору. Часть своры отпрыгнула, а часть зашибло столярным станком, и они также были выброшены в пруд. Повторив это ещё, он раздул из искорок костёр и согрелся. И как только он пригрелся, расхотелось ему открывать глаза и начало его клонить в сон. Тогда оглянулся он и увидел в углу большую кровать.

– Это как раз для меня, – сказал он и лёг в неё. Однако как только захотел он закрыть глаза, так начала кровать сама двигаться да повезла его по всему замку.

– Точно, – промолвил он, – так даже лучше

Тут как понеслась кровать вперёд, будто бы запряжённая шестёркой лошадей, через лестницы и пороги вверх и вниз, вдруг хоп! – и всё перевернулось вверх дном, да так, что малец оказался будто бы горой придавлен.

Но отшвырнул он балдахин с подушками, выбрался наверх и, сказав: "Ну, кто теперь хочет водить?" – лёг у своего огня и проспал до света. Утром пришёл король, поглядел, что юноша на земле лежит, да и подумал, что уморили его злые духи до смерти. И сказал он: "Жаль прекрасного человека." Услыхал это малец, выпрямился, да и сказал: "До этого ещё далеко!". Удивился король, обрадовался, да и спросил мальчика, как у того дела.

– Довольно хорошо, – ответил юноша, – ночь минула, да и две других тоже пройдут

Когда пришёл он к трактирщику, то у того глаза аж на лоб полезли.

– Вот уж не думал тебя боле живым увидеть, – сказал он, – теперь-то ты постиг, что такое страх?

– Нет, – ответил он, – всё напрасно. Хоть бы кто хоть раз объяснил.

Во вторую ночь поднялся он вновь в заколдованный замок, сел у огня, да и начал вновь свою песню: "Ах, если бы мне испугаться!" Как подошла полночь, услышал он возню и грохот; сперва осторожно, потом всё сильнее и сильнее, затем на мгновение стало тихо, и вот с диким криком из каминной трубы выпало полчеловека да и рухнуло вперёд перед собой. "Эй! – крикнул он, – ещё половина требуется, а то маловато будет!" – тогда вновь начался шум, завывало, занеистовствовало и вторая половина тоже скатилась вниз по трубе. "Погоди, – сказал он, – раздую-ка я огоньку побольше" – как только он это сделал, то, оглянувшись, увидел, что куски соединились, и теперь какой-то лютый мужик сидит на его месте. "Мы так не договаривались, – сказал мальчик, – это моя скамья." Захотел было мужик мальчика оттеснить, но малый устоял, с силой мужика отшвырнул и на своё место сел. Тут нападало ещё мужчин, один на другого, держали они девять мёртвых ног, положили они два черепа и стали играть в кегли. Мальцу захотелось тоже поиграть, и он спросил:

– Слушайте, а можно ли мне с вами?

– Да, если у тебя есть деньги

– Денег достаточно, – ответил он, – только ядра ваши не совсем круглые, – взял он черепа, установил их в токарный станок, да и обточил до шарообразного состояния.

– Ну, теперь их катать сподручнее, – сказал он, – ха-ха! Ну, пошла потеха!

Поиграв с ними, он потерял немного денег, но когда он покатил шар в двенадцатый раз, то испарилось все перед его глазами. Тогда он лёг и спокойно заснул. На следующее утро пришёл король осведомиться.

– Как всё прошло на этот раз? – спросил он.

– Поиграл в кегли, – ответил мальчик, – да проиграл несколько геллеров

– Так ты не испугался?

– О чем вы, Ваше Величество? – ответил он, – веселился от души. Знать бы мне, где там бояться!

В третью ночь вновь он сел на свою скамью и совершенно угрюмо произнёс: "Как бы мне испугаться." И как только стемнело, пришли шестеро высоких мужчин и внесли гроб. Тут сказал он: "Ха-ха-ха, это, разумеется, мой братец, что умер несколько дней назад." – и, всплеснув руками, вскричал: "Заходи, братец, заходи!" Они поставили гроб наземь, а мальчик подошёл и поднял крышку: внутри лежал мертвец. Малец нащупал лицо покойника, но оно было холодно, как лёд. "Погоди, – сказал он, – я тебя хочу хоть немного отогреть." Он пошёл к огню, отогрел руки, приложил к лицу мертвеца, но оно оставалось все также холодным. Тогда он вынул мертвеца, сел к огню, положил труп себе на колени, и начал натирать ему руки, чтобы кровь вновь пришла в движение. Когда и это не помогло, пришло ему на ум, что, "когда двое вместе в одной кровати, то так они согревают друг друга", принёс он тогда покойника на кровать, укрыл его и лёг рядом. Через какое-то время труп потеплел и начал шевелиться. Сказал тогда малец:

– Вот видишь, братец, как я тебя не согрел! – а мертвец поднялся и взревел:

– Теперь я хочу тебя задушить!

– Что? – удивился малый, – такая вот мне благодарность? Тогда дальше лежи в гробу! – поднял его, бросил в гроб и закрыл крышку. Тут опять пришли шестеро мужчин и унесли гроб прочь.

– Это меня не испугает, – промолвил он, – здесь ничему я путному не научусь.

Тут вошёл мужчина, что был больше остальных и выглядел ужаснее, хотя был старше и носил белую длинную бороду.

– Негодяй! – крикнул он, – теперь тебе следует быстро выучить, что такое страх, или тебе следует умереть!

– Не так быстро, – ответил юноша, – следует мне умирать. И в этом действии тоже я должен принять участие.

– Я тебя уже хочу уложить, – сказал изверг.

– Тише, тише, ишь руки растопырил! Я-то не слабее тебя, а, глядишь, и посильнее буду.

– Это мы сейчас посмотрим, – сказал старик, – если ты сильнее меня, то, так и быть, я дам тебе уйти; пошли, давай-ка это проверим, – и повёл он мальчика тёмными коридорами, привёл в кузницу, взял в руки топор, да и вогнал наковальню в землю с одного удара.

– А я ещё лучше могу, – сказал юноша и подошёл к другой наковальне. Старик встал неподалёку, да так хотел посмотреть, что бороду развесил. А юнец схватил топор, с одного удара расщепил наковальню, да и прищемил колдуну бороду.

– Теперь ты в моих руках, – сказал он, – а значит, тебе конец, – затем взял железный прут и начал охаживать старика до тех пор, пока тот не стал жалобно хныкать и не посулил несметные богатства, если только малый прекратит. Вытащил тогда малец топор, да и отпустил деда. Старик повёл юношу обратно в замок и показал ему в подвале три сундука с золотом.

– Отсюда, – промолвил он, – часть беднякам, часть – королю, а часть – тебе.

Между тем пробил полночь и призрак исчез, а юнец остался стоять в темноте. "Не беда," – произнёс он, потоптался, да и нашёл путь до своей каморки, где у огня и уснул. Наутро пришёл король и спросил:

– Ну что, на этот раз ты научился страху?

– Нет, – ответил юнец, – а где оно, страшное? Ну пришёл ко мне покойный братец, ну, дядька с бородой приходил, который мне показал много золота там, внизу, а вот что такое страх, мне так никто и не поведал.

Тогда сказал король:

– Ты освободил мой замок и тебе следует жениться на моей дочери.

– Это всё, конечно, хорошо, – ответил малец, – но я ещё совсем не знаю, что такое страх.

И вот уже и золото из подземелья вынесли, и свадьбу сыграли, а молодой король, хоть и любил свою супругу, хоть и весел был, но всё же непрестанно повторял: "Ах, если бы мне только испугаться! Ах, если бы мне только испугаться!" В конце концов, молодую супругу это раздосадовало. И камеристка ей сказала: "Сумеет ли помочь, он у нас быстро страху научится." Вышла она к ручью, что тёк через сад, и наловила там полное ведро пескарей. Ночью, как только молодой король заснул, принцесса откинула одеяло да и выплеснула на него ведро холодной воды с пескарями, так, что и на нем, и вокруг него трепыхались маленькие рыбки. Проснулся он и запричитал: "Ох, страшно – то, страшно-то как, дорогая! Вот теперь и узнал я, что такое страх."

2. Доктор Всезнайка (Сказка братьев Гримм)

Жил да был бедный крестьянин по имени Кребс. Повёз он как-то раз на двух волах воз дров в город, да и продал его за два талера одному доктору. А как расплатился с ним доктор, так тотчас же сел за стол. Увидел крестьянин, как хорошо доктор ест и пьёт, так у него аж сердце замерло, как ему захотелось так же хорошо жить. Постоял он ещё немножко, да и спросил наконец, а не может ли он быть таким же, как доктор.

– О, да, – ответил доктор, – дело-то нехитрое.

– Что же мне нужно сделать? – спросил крестьянин.

– Во-первых, купи себе букварь, только тот, который с петухом на форзаце. Во-вторых, подзаработай денег на своей телеге с двумя волами и на эти деньги справь себе платье, которое обычно доктора носят; в-третьих, нарисуй себе щит со словами "Я доктор Всезнающий" и приколоть над дверью.

Сделал крестьянин то, что ему перечислили. И только стал он доктором, так тут обокрали одного большого господина. Рассказали господину про доктора Всезнающего, что живёт в такой-то, такой-то деревне и уж точно должен знать, куда у господина денежки-то подевались. Итак, запряг господин свой тарантас, поехал в ту деревню, да как раз у самого-то и спросил, есть ли он доктор Всезнающий. Да, это был он. Значит, следовало доктору поехать вместе с господином к нему домой и вновь обрести украденные деньги. Конечно, только Грета, жена доктора, поедет вместе с ним. Господин был только рад этому. Он позволил им сесть в повозку, и они все вместе поехали вперёд. И не успели они на знатный двор въехать, а там уже и стол накрыт. И следовало им вместе отобедать. Да, и жена Грета с ними, так и сели они за стол. И как зашёл слуга с первым блюдом прекраснейшей еды, крестьянин жену свою толк, да и сказал: "Это первый," – имея в виду, что это первый слуга, что принёс еду. А слуга подумал, что доктор имел в виду, что это первый вор, а так как оно и впрямь так было, то испугался, подлец, да сказал своим корешам снаружи: "Доктор этот про все наши тёмные делишки знает. Про меня он сказал, что я первый." Второму уже внутрь не хотелось, но пришлось-таки. И как только внёс он своё блюдо, крестьянин опять жену пихнул: "Грета, это второй." Лакей тоже испугался, да так, что выскочил наружу. Третьего тоже ничего хорошего не ждало; крестьянин снова сказал: "Грета, это третий." Четвёртый должен был внести накрытое блюдо, и господин сказал доктору, что ему следует продемонстрировать своё умение и угадать, что же лежит под крышкой (а лежали там раки (нем. – *Krebse*)). Крестьянин же, увидев блюдо, и не понимая, как он себе сможет помочь, запричитал: "Ах, бедный я несчастный Кребс!". Как хозяин это услышал, так воскликнул: "Ну, уж если он это знает, то знает он также, кто и денежки мои прикарманил!"

Слуги же страшно перепугались и стали подмигивать доктору, не хочет ли он, де, по нужде выйти. И как только вышел он, встали перед ним все четверо, кто денежки-то увёл; готовы они и краденое вернуть, и доктору ещё сверху кругленькую сумму приплатить, только бы их хозяину не выдали, не то их повесят. Отвели они его и туда, где краденое лежало. Оттого повеселел доктор, пришёл обратно, сел за стол, и говорит: "Желаю я, господин, в книге своей найти то место, где деньги спрятаны." А в это время пятый слуга пролез в печку и стал подслушивать, а ну как доктор ещё чего знает. Доктор же сел, открыл свой букварь, стал его листать туда-сюда, да петуха искать, а не найдя ничего похожего, произнёс: "Но ты же все равно внутри, так выходи уже!". Подумал тот, кто в печке, что это про него сказано, и выскочил он в ужасе наружу с криками: «Этот мужчина все знает!!!». Вот показал доктор Всезнайка господину, где

краденое лежит, но не сказал, кто украл, получил с обеих сторон много денег в награду, и стал знаменитым человеком.

3. Звёздные талеры (сказка братьев Гримм)

Жила-была маленькая девочка, у которой умерли папа и мама, и с тех пор, как произошло это горе, не стало у неё больше ни комнатки, где она могла бы приютиться, ни кровати, где она могла бы отдохнуть, и не было у неё совсем ничего кроме платяшка, которое на ней было надето, да кусочка хлеба в руках, что ей подал один сердобольный человек. А была девушка милой и кроткой. И так она была неприкаянна в этом мире, что, надеясь лишь на волю Божью, вышла она в поле.

По дороге встретился ей нищий и промолвил: "Ах, дай мне хоть что-нибудь поесть, я так голоден!" Она дала ему целый кусок хлеба и, сказав "Господь Вас храни", пошла дальше. Тут ей навстречу шёл ребёнок, что причитал: "Ах, заморозил я свою головушку, подари мне что-нибудь, чтобы я смог накрыть её и отогреть!" Она сорвала с себя шапочку и отдала ему. Немного погодя подбежал к ней ещё один ребёнок, без курточки и замёрзший. Она дала ему свою куртку. Потом ещё одному дитятке, что просил одеться, отдала свою юбочку. И, наконец, пришла она в тёмный лес, где одно бедное чадо попросило у неё одеться. Сказала про себя смиренная девочка: "Темно ночью этой и наготы моей никто не увидит, отдам я ему и последнее платяшко.". Сняла она с себя последнюю рубашку и отдала ещё и её.

И вот, когда стала она полностью нагой, раз – и вспыхнули звезды, и посыпались на землю звонкие блестящие талеры и очутилось на ней такое же натальное платяшко, что было, только тончайшей работы. Тогда набрала она талеры в подол и жила безбедно всю оставшуюся жизнь.

4. Белоснежка (Сказка братьев Гримм)

Это было в то самое время в середине зимы, когда снежинки, будто бы пух, спускались с неба вниз. Королева смотрела в окно с рамой чёрного дерева и шила. Она шила и смотрела на снег, уколола себе палец иголкой и три капли крови упали на белое покрывало зимы. И так прекрасно выглядела красная кровь на белом снегу, что подумалось ей про себя: ах, родилось бы у меня дитя, белое, как снег, красное, как кровь, и чёрное как эта рама чёрного дерева! Вскоре родила она доченьку, белую как снег, красную, как кровь, и черноволосую, как чёрное дерево, которую поэтому и называли Белоснежкой. И как родилась девочка, так вскоре королева и умерла. Через год король завёл себе другую супругу, женщину красивую, но гордую и высокомерную, женщину, что не могла стерпеть, ежели вдруг её – то красоту, да кто-нибудь переплюнет. Было у неё чудесное зеркало, и вот, как вставала она перед зеркалом посмотреться, так вопрошала:

– Зеркальце моё, что на стене,
Кто же всех красивей на земле?
А зеркало ей отвечало:
– Над всей землёю небо синее,
А Вы, королева, всех красивее.

Королева такому ответу была рада, потому что знала, что зеркало врать не будет.

А тем временем Белоснежка подрастала, хорошела, и когда ей было семь лет, красота её едва не затмевала солнце, и уж точно девочка была краше самой королевы. И как-то раз в то время королева спросила зеркало:

– Зеркальце моё, что на стене,
Кто же всех красивей на земле?
А в ответ ей:
– Здесь, конечно, ты прекрасна,
Возражения напрасны,
Но красивей там сейчас
Белоснежка в тысячу раз!

Тут королева как всполошилась, что позеленела от злости. С тех пор, как увидит Белоснежку – аж в груди ёкает, так её ненавидела. И росли в ней зависть да уязвлённая гордость, что сорняки на пустыре, и даже ночью не было ей покоя. Вот, позвала она егеря, да и говорит ему: "Забери в лес этого ребёнка, чтоб глаза мои её больше не видели. Ты должен её убить, а мне принести её лёгкие и печень в качестве доказательства." – послушался егеря, да и повёл ребёнка в лес. И как занёс он свой охотничий нож, чтоб детское сердечко пронзить, расплакалась тут девочка и взмолилась: "Ах, милый егеря, пощади меня! Я убегу в лес и больше никогда не вернусь домой!" – и была она так прекрасна, что пожалел её охотник и сказал: "Убегай, бедное дитя! Всё равно скоро сожрут тебя дикие лесные звери, а у меня камень с души свалился, что не надо кровь проливать," – и как только попался ему молодой кабан, зарезал его егеря, достал лёгкие и печень и принёс их королеве. Повару нужно было их засолить, и вот злобная женщина их вкушает и думает, что ест органы Белоснежки.

А бедная кроха осталась в лесу одна-одинешенька, и стало ей страшно, что вот, она уже и всю листву на деревьях пересчитала, а так и не поняла, как можно себе помочь. Тогда принялась она бежать, бежать по большим камням, через тернии, дебри, а сзади прыгали дикие звери, но ничего не делали ей. Она бежала, пока несли ноги, до того как за вечерело. И вот увидела она маленький домик и зашла внутрь передохнуть. В маленьком домике все тоже было маленьким, но таким красивым и опрятным, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Там стоял столик, покрытый белой эмалью, а на нем семь маленьких тарелок. Подле каждой тарелочки лежала маленькая ложечка, а чуть поодаль ножичек, вилочка и стаканчик. У стены стояло семь кроваток, покрытых белоснежными перинами. Белоснежка, ведь она была очень голодна и мучалась от жажды, надкусила чуть от каждого хлебца, толику съела овощей из каждой тарелки и из каждого стаканчика выпила по капельке вина; больше ей ничем объедать не хотелось. После этого, ведь она устала, легла она в кроватку, но та не подошла; она была слишком длинной, другая же была слишком короткой, и, наконец, только седьмая оказалась в самый раз. В ней она улеглась поудобнее и, с Божьей помощью, заснула.

Когда совсем стемнело, пришли хозяева дома. То были семь гномов, что ломали и копали в горах руду. Они зажгли семь своих светильников и, когда в доме стало совсем светло, увидели, что кто-то здесь уже побывал, ибо все стояло не совсем так, как они это, уходя, оставили. И один спросил: "Кто сидел на моем стуле?" – а второй, – "Кто ел из моей тарелки?" – третий, – "Кто отломил от моего хлебца?" – четвёртый, – "Кто отщипнул от моих овощей?" – пятый, – "Кто же колол моей вилочкой?" – шестой, – "Кто же это резал моим ножичком?" – "А кто же это отпил из моего стакана?" – вопрошал седьмой. А после первый посмотрел на свою кровать, увидел в ней вмятину и спросил: "А кто же в моей кровати топтался?" – другие же, подбежав к своим кроватям, воскликнули: "И у нас так же!" – а седьмой, посмотрев на свою кровать, увидел там Белоснежку, что лежала и спала. Тогда он кликнул остальных, что подбежали, вскрикнули от изумления, достали свои фонарики и осветили на неё. "Боже мой, Боже мой! – восклицали они, – какое прекрасное дитя!". Они так обрадовались, что не стали её будить, а оставили её дальше спать в кроватке. Седьмой же гном спал у кого-то из своих товарищей каждый час, пока продолжалась ночь. Наутро Белоснежка проснулась и, увидев гномов, испугалась. Но они были дружелюбны и спросили:

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Белоснежка, – ответила она.

– Как ты сюда попала? – спросили они затем. И она им рассказала и про то, как её мачеха хотела её уморить, а её егерь оставил ей жизнь, и про то, как она бежала весь день и только под вечер нашла их домик. Тогда гномы сказали:

– Хочешь ли ты вести наше хозяйство, готовить, убирать нашу постель, мыть, шить и вязать, сохранять все в чистоте и порядке, тогда можешь оставаться с нами и ни в чем не нуждаться.

– Да, – сказала Белоснежка, – с превеликим удовольствием! – и осталась с ними. Она поддерживала дом в порядке. Утром они уходили в горы добывать медь да золото, а вечером приходили обратно за накрытый стол. А на целый день девочка оставалась одна. Как-то раз зашла к ней одна добрая гномка и сказала: "Остерегайся своей мачехи, она скоро узнает, что ты здесь; никого сюда не впускай!"

Королева же, проверив в то, что съела печень и лёгкие Белоснежки, и не думая ни о чем другом, кроме того, что она вновь самая красивая на свете, подошла к зеркалу и спросила:

– Зеркальце моё, что на стене,
Кто же всех красивей на земле?
И отвечало ей зеркало:
– Здесь, конечно, ты прекрасна,

Возражения напрасны,
Только, видишь, за горами,
Под большими валунами,
Где семь гномов, как семья
Белоснежка проживает,
И она тысячекратно
Ах! – прекраснее тебя.

Всполошилась королева, ведь знала она, что зеркало никогда не обманывает, и поняла, что егерь ей наврал, а Белоснежка все ещё жива. И вновь она стала думать да гадать, как бы ей Белоснежку известить, ведь покуда не она краше всех на земле, зависть её не давала ей покоя. И как только придумала она, то нарядилась да оделась, как корабейница, так, что и не узнать её, и в таком облике пошла она за семь гор к семи гномам, постучала в дверь, да и начала зазывать: "Продаю, продаю! Прекрасный товар продаю!" Белоснежка выглянула в окно, да отозвалась:

– Добрый день, добрая женщина! Что у вас есть на продажу?

– Хороший товар, – ответствовала та, – шнурки всех цветов, – а перед собой держит шнурок, что из разноцветных нитей сплетен." Честную женщину я могу впустить," – подумала Белоснежка, открыла дверь и купила прелестных шнурков.

– Дитя – сказала старушка, – как ты выглядишь! Подойди, я красиво зашнурую тебе платье, – без опасений Белоснежка встала перед торговкой и дала себя зашнуровать новым шнурком. И торговка быстро зашнуровала платье и так сильно затянула, что Белоснежка прекратила дышать и упала замертво. Вскоре после этого пришли домой семь гномов. Они ужаснулись, когда увидели свою любимую Белоснежку, что лежала на земле не шевельнувшись, не повернувшись, ибо была мертва. Они подняли её, и увидев, что она крепко зашнурована, разрезали надвое шнурки; и вот, помаленьку она начала дышать, и вот, ещё и ещё, к ней вернулась жизнь. Когда услышали гномы, что произошло, то наказали ей: "Старая торговка та никто иная, как безбожная королева. Будь осторожна и никого не впускай, когда нас нет рядом." А злая женщина тем временем, придя домой, подошла к зеркалу и спросила:

– Зеркальце моё, что на стене,
Кто же всех красивей на земле?
И зеркало ей, как обычно, отвечало:
-Здесь, конечно, ты прекрасна,
Возражения напрасны,
Только, видишь, за горами,
Под большими валунами,
Где семь гномов, как семья
Белоснежка проживает,
И она тысячекратно
Ах! – прекраснее тебя.

Как услышала это королева, так кровью облилось её сердце, так она возмутилась, увидев, что Белоснежка вновь жива. "Вот теперь, – молвила она, – я кое-что придумаю такое, что тебя точно сведёт в могилу!" – и колдовскими чарами, которыми она владела, создала ядовитый гребень. Потом она переделалась и приняла образ другой старушки. Так пошла она за семь гор к семи гномам, постучала в дверь, да и начала зазывать: "Продаю, продаю! Прекрасный товар продаю!" Выглянула в окно Белоснежка и произнесла: "Ступай своей дорогой. Мне наказано никого не впускать." "Но посмотреть-то тебе можно?" – сказала старушка, вынула ядовитый гребень, да и подняла его вверх. И так Белоснежке понравился гребень, что она, потеряв

голову, открыла дверь. Когда они сторговались, старушка и сказала: "А давай-ка я тебя красиво причешу!" Бедная, ничего не подозревающая Белоснежка позволила старушке действовать, но как только та чуть коснулась гребнем волос, яд сразу же подействовал и девочка рухнула наземь без чувств. "Вот, красавица, – промолвила злобная женщина, – Теперь с тобой это случилось." – и пошла дальше. К счастью, скоро настал вечер и семь гномов вернулись домой. Увидев Белоснежку, лежащую, будто мёртвая, на земле, они сразу же заподозрили мачеху и, поискав, нашли в волосах отравленный гребень. И как только они его вытащили, пришла Белоснежка опять в себя и рассказала о том, что произошло. Тогда гномы предупредили её ещё раз, чтобы была осторожнее и никому не открывала. А королева, придя домой, встала перед зеркалом и молвила:

– Зеркальце моё, что на стене,
Кто же всех красивей на земле?
И зеркало ей, как и раньше, отвечало:
–Здесь, конечно, ты прекрасна,
Возражения напрасны,
Только, видишь, за горами,
Под большими валунами,
Где семь гномов, как семья
Белоснежка проживает,
И она тысячекратно
Ах! – прекраснее тебя.

Как услышала королева, что сказала зеркало, да как затряслась, как её от гнева заколотило! "Белоснежка должна умереть! – кричала она, – даже если это будет стоить мне жизни," – и пошла вскоре в одну тайную каморку, куда ещё никто не входил, и сделала там ядовитое-преядовитое яблоко: красивое снаружи, белое с красным бочком, манящее каждого, кто хоть на миг на него взглянет, вот только кто откусит от этого бочка, тот обязательно умрёт. Когда яблоко было готово, королева покрасила себе лицо, нарядилась крестьянкой и так пошла за семь гор к домику семи гномов. Постучалась. Белоснежка вытянула голову из окна и сказала:

– Мне нельзя впускать людей в дом, семь гномов мне это запретили.

– Да мне и не надо, – ответила крестьянка, – мне бы яблоки сбывать. Вот, тебе одно дать хочу.

– Нет, – сказала Белоснежка, – я не могу его принять.

– Неужели ты боишься отравиться? – удивилась старушка, – смотри, вот я режу яблоко на две части; съешь красненький бочок, а белый я отведаю.

Яблоко было сделано настолько искусно, что только красный бочок был отравлен. Белоснежке понравилось яблоко, и когда она увидела, что крестьянка съела свою половину и ничего не произошло, то протянула руку и взяла отравленную половину. И только половинка чуть коснулась уст, упала Белоснежка наземь замертво. Взглянула на неё королева зловещим взглядом, громко расхохоталась и промолвила:

– Белая как снег, красная как кровь, чёрная, как чёрное дерево! На этот раз гномам тебя не разбудить, – и, когда она уже дома спросила зеркало:

– Зеркальце моё, что на стене,
Кто же всех красивей на земле?
– а зеркало ей, наконец-то, ответило:
– Над всей землёю небо синее,
А Вы, королева, всех красивее.

– то её завистливое сердце успокоилось настолько, насколько может вообще успокоиться завистливое сердце.

А гномы, придя вечером домой, нашли Белоснежку лежащую на земле, бездыханную и мёртвую. Они подняли её, искали шнурки, ядовитые предметы, расчесали волосы, обмыли водой и вином, но ничего не помогло: ставшая столь родной девочка была так же мертва. Они положили её на одр, собрались вокруг и плакали горячими слезами целых три дня. Хотели, было, уже её хоронить, но она была так свежа, как любящий человек, также прекрасна и румяна, что сказали они: "Не можем мы предать её этой чёрной земле," – сделали прозрачный стеклянный гроб, положили в него Белоснежку и выбили на нём золотыми буквами её имя и то, что она была принцессой. Они поставили гроб на вершине горы и кто-то из них должен был постоянно сторожить гроб и присматривать за ним. И звери лесные тоже оплакивали Белоснежку: первым прилетел филин, после ворон, а последней была голубка. И долгое, долгое время лежала Белоснежка в хрустальном гробу, и тлен не касался её, все так же, как и раньше, была она белой, как снег, красной, как кровь, с волосами, чёрными, как чёрное дерево. Но как-то раз случилось, что в тот лес прискакал принц, и вот, подошёл он к дому гномов переночевать. Увидел он гроб на горе, Белоснежку в нем да золотую гравировку на крышке и попросил он гномов:

– Уступите мне этот гроб, я дам вам взамен всё, что вы пожелаете, – ответили гномы:

– За все золото мира мы его не продадим, – тогда взмолился он:

– Тогда хоть подарите его мне, ибо не могу и дня прожить, чтобы не видеть Белоснежку, а я её буду холить и лелеять, как любимую.

Сжалились над ним гномы и отдали ему гроб. Положил его принц на плечи своим слугам, и унесли они его. И так случилось, что споткнулись носильщики, проходя через кустарник, и от этого сотрясения отравленный кусок яблока, что Белоснежка съела, выпал ей на шею. Сразу же Белоснежка открыла глаза, подняла крышку гроба, поднялась и ожила.

– Господи, где я? – воскликнула она. И принц, обрадовавшись, воскликнул:

– Ты со мной! – и рассказал всё, что с ней случилось, и сказал:

– Ничто в мире не сравнится с моей любовью к тебе. Поедем же в замок моего отца, ты будешь моей женой.

Понравился принц Белоснежке, и поехала она с ним, и была у них шумная и роскошная свадьба. На такой праздник даже безбожную Белоснежкину мачеху пригласили. И вот встала она перед зеркалом в своём красивом платье, да вопрошает:

– Зеркальце моё, что на стене,

Кто же всех красивей на земле?

А зеркало ей в ответ:

– Над землёю небо синее,

Здесь королева всех красивее,

Но на свадьбе невеста юна,

И тысячекратно красивей тебя.

Проклятья посыпались из уст злобной жены и стало ей так страшно, что от страха она не знала, что делать. Поначалу даже не хотелось ей на свадьбу идти, но знала она, что не будет ей покоя, пока не увидит она ту королеву. И как она вошла и узнала Белоснежку, то встала, как вкопанная, от страха и ужаса. Да только уже стояли на углях железные башмаки, что потом плоскогубцами перед ней поставили. И вот эти-то раскалённые докрасна туфли она и должна была надеть и плясать в них до тех пор, пока не упадёт наземь замертво.

5. О рыбаке и его жене (сказка братьев Гримм)

Жили-были рыбак со своею женой в одной рыбацкой хижине у кромки моря, куда старик на целый день ходил удить рыбу, и ходил, и ходил, и удил...

Так сидел он со своей удочкой и глядел как всегда в прозрачную воду, так и в тот раз, сидел и сидел...

Тут пригнулась удочка к земле, глубоко вниз, и когда старик её вытянул, вместе с ней вытянул и огромную камбалу. И тут камбала ему и говорит: "Послушай, рыбак, умоляю тебя, пощади: я ведь не простая камбала, а заколдованный принц. В чем тебе польза от моей смерти? Тебе же мой кусок в горло не полезет: отпусти меня лучше в воду, да дай мне уплыть." – "Что ж, – сказал мужчина, – мне больше слов не надобно: уж камбалу, что человеческим языком говорит, я, так и быть, отпущу." – и опустил её обратно в воду. А камбала поплыла на дно, только оставив после себя длинный кровавый след. А рыбак встал, да и побрёл к своей хижине.

– Муж, – спросила жена, – неужели ты сегодня ничего не поймал?

– Нет, – ответил рыбак, – я поймал только огромную камбалу, что сказала мне, что она заколдованный принц, и я её отпустил дальше плавать в море.

– И ты себе ничего не пожелал? – удивилась жена.

– Нет, – сказал муж, – а что я должен себе желать?

– Ах, – всплеснула жена руками, – но это же дурно, вечно жить здесь, в этой хижине, здесь так отвратительно воняет! Мог бы хоть маленький домик себе пожелать... Ступай и позови его снова, скажи, что мы хотим маленький домик, тебе-то он не откажет!

– Ох, – простонал рыбак, – опять туда идти?

– Так, – встала жена руки в боки, – ты его поймал и потом отпустил обратно. Он тебе не откажет. Ступай немедленно!

Не хотелось старику идти, но жене не хотелось перечить ещё боле, и пошёл он к морю.

Как пришёл он к морю, стало море зелено-белым, да и не столь прозрачным. Встал он перед морем и сказал:

– Человечек – человек
Зовёт тебя весь Божий век
Илзебиль, моя жена
Другого хочет, нежели я.

Приплыла к нему камбала и спросила:

– И что же она хочет теперь?

– Ах, – сказал рыбак, – я-то тебя поймал, а супруга говорит, что ты моё желание должен исполнить. Ей больше не нравится жить в рыбацкой хижине, теперь желает она жить в маленьком домике.

– Иди с миром, – ответила ему камбала, – это у неё уже есть.

Пришёл рыбак обратно, и глядь – а супруга уже не в рыбацкой лачуге, на месте лачуги маленький домик, а перед дверью на скамейке сидела его жена. Взяла она его за руку, да и говорит: "Заходи, посмотри внутри, там все гораздо лучше." Они зашли и увидели в доме маленькую прихожую, опрятную горницу и каморку, где у каждого было по кровати, кухоньку и кладовую, и в каждой комнате была вся необходимая утварь, оловянная и латунная, что теперь принадлежала им. А рядом с домом был маленький двор с курами и утками да небольшой садик с зеленью и фруктовыми деревьями.

– Смотри, – сказала жена, – разве не мило?

– Да, – ответил муж, – так и есть. Теперь заживём!

– Ну, об этом мы ещё подумаем, – сказала жена. После они поели и пошли спать.

Так прошло дней восемь, а может и все четырнадцать, тут жена и говорит:

– Послушай, муж, а домик-то у нас тесный, да и дворик маленький. Твоя камбала могла бы нам подарить домик и побольше. Я вот хочу жить в просторном каменном замке. Пойди-ка ты к рыбе, пусть он нам подарит.

– Ах, жена, – грустно вздохнул рыбак, – домик наш вполне уютен, зачем нам жить в замке?

– Так! – встала жена руки в боки, – иди к рыбе, чтоб дал нам замок!

– Не пойду, – заупрямился муж, – камбала нам уже подарила домик раньше. Не нравится мне идти опять, камбала может рассердиться.

– И все же сходи, – настояла жена, – он домик сделал легко, и это выполнит с радостью.

А муж с тяжёлым сердцем и неохотой сказал про себя: "Неправильно все это..." – но всё – таки пошёл.

Когда пришёл он к морю, было оно тёмного иссиня-лилового цвета, а кое-где и вязко-серым; ушёл жёлто-зелёный цвет, хотя ещё оставалась вода спокойной. Встал он на берегу, да и крикнул:

– Человечек – человек
Зовёт тебя весь Божий век
Илзебиль, моя жена
Другого хочет, нежели я.

Приплыла к нему камбала и спросила:

– И что же она хочет теперь?

– Ах, – ответил ему мужчина немного грустно, – теперь она хочет жить в большом каменном замке.

– Ступай с миром, она ждёт тебя у дверей, – сказал принц.

И шёл старик домой и думал, как ему хочется поскорей придти, но как только подошёл он к месту, где был его маленький домик, то увидел он огромный каменный дворец, и супруга его стояла наверху, на лестнице и хотела спуститься к нему. И вот, взяла она его за руку и сказала: "Пойдём". Итак, вошёл он с ней во дворец, и вошли они в огромную залу с мраморным полом, и множество слуг, бывших там, распахивали перед ними огромные двери, а на чистых стенах были наклеены прекрасные обои, в комнатах сверкающие золотом столы и стулья, а с потолка свисали большие хрустальные люстры, а в горницах и даже в каморках были расстелены паласы. На столах было столько яств и изысканнейших вин, что, казалось, они были готовы надломиться. Позади от дворца был двор с конюшней, коровником и каретным сараем: все было как в лучших домах. Также был и прекрасный сад, полный причудливых цветов и отлично плодоносящих деревьев, и парк, в полмили длиной, где была тишина, олени и все, чего только можно пожелать.

– Ну, – сказала жена, – разве не прекрасно?

– О, да, – сказал муж, – пусть так и остаётся. Теперь мы счастливы: жить в таком красивом замке и радоваться.

– Об этом мы подумаем, – ответила жена – а сейчас пора спать, – и они пошли спать.

На следующее утро жена проснулась первой, был уже день, и она взглянула с кровати на красивую землю, лежащую перед ней. Муж ещё потягивался, а старуха ткнула уже его локтем в бок, и сказала:

– Встань, муж, да выгляни-ка из окошка. Посмотри, неужели мы не можем править этой землёй по-королевски? Иди к рыбе, нам нужно стать королями.

– Ах, жена, – вздохнул старик, – зачем нам быть королями?

– Так! – взъелась жена, – ты не хочешь быть королём, а я хочу! Ступай к камбале, я хочу быть королевой!

– Ох, жена, – простонал рыбак, – далось тебе это королевство! Не хочется мне ему такое говорить.

– А почему бы и нет? – подбоченилась жена, – сейчас же к нему, мне нужно быть королевой!

И пошёл муж, и был он совершенно раздавлен тем, что жена хочет королевой стать. Только думал, что неправильно все это, и идти не хотел, а пошёл.

И как подошёл он к морю, было море всё серо-чёрное. Вода дыбилась снизу вверх и пахла гнилью. И встал рыбак у моря и промолвил:

– Человечек – человек
Зовёт тебя весь Божий век
Илзебиль, моя жена
Другого хочет, нежели я.

Приплыла к нему камбала и спросила:

– И что же она хочет теперь?

– Ах, – ответил старик, – она хочет стать королевой.

– Ступай, человече, – ответил принц, – уже готово.

И пошёл рыбак домой, и как только пришёл ко дворцу, увидел, что стал замок гораздо больше, появилась большая башня с прекрасными украшениями; перед главными воротами стоял караул, с множеством солдат, труб и литавр. И когда зашёл он в дом, то увидел под потолок золота и чистейшего мрамора на стенах, и тут и там висели большие золотые кисти. Вот растворились двери в залу, где была вся придворная знать, и увидел он свою жену, сидевшую на высоком троне, украшенном золотом и алмазами, с короной на голове и скипетром в руке, сделанным из золота и чёрного дерева. А с обеих сторон от неё фрейлины стоят в линию, и головки одна другой меньше. И встал он перед ней и спросил:

– Ну, жена, теперь ты королева?

– Да, теперь я королева, – тогда встал он и посмотрел на неё; посмотрев, сказал:

– Ах, жена, как же хорошо, что ты теперь королева! Теперь-то нам нечего больше желать!

– Нет, муж, – беспокойно сказала жена, – столько времени и досуга я не вынесу. Иди к камбале: королевой я уже стала, теперь мне нужно стать Императрицей!

– Жена, – простонал рыбак, – почему ты хочешь быть императрицей?

– Муж! – настояла жена, – иди к рыбе, мне нужно быть императрицей!

– Ох, жена, – вздохнул муж, – не сделает он императрицы, да и не хочется мне этого говорить ему. Император, он ведь один в царстве, не сможет он сделать императрицы.

– Что? – возмутилась старуха, – я королева, а ты ещё мой муж. Хочешь, не хочешь, все равно ты туда пойдёшь! Смог сделать королевой, сделает и императрицей! Я хочу и ещё раз хочу быть императрицей!!!! Ступай немедля!!!

Пришлось ему идти. Как пошёл он, стало ему совершенно тошно, и как он шёл, так и думал и думал: нехорошо получается: император – это слишком нагло, Принц может совсем огорчиться.

А тем временем он уже подошёл к морю: было оно ещё более чёрным и уже начало клочкаться снизу, будто кто туда пузырярей напустил; а над водой тут и там носились такие вихри,

что вода тут и там выгибалась и вспучивалась. И стало мужчине все серым-серо. Встал он, да произнёс:

– Человечек – человек
Зовёт тебя весь Божий век
Илзебиль, моя жена
Другого хочет, нежели я.

Приплыла к нему камбала и спросила:

– И что же она хочет теперь?

– Ах, государь мой, жена моя хочет быть императрицей!

– Ступай – усмехнулся рыб, – она уже ей стала.

И пошёл Рыбак домой. А как пришёл домой, так глядь! – а весь дворец облицован полированным мрамором да украшен алебастровыми и золотыми фигурами. А у ворот маршировали солдаты, гремели фанфары и отбивали дробь барабаны и литавры; а в доме кругом сновали бароны, графья да герцоги и делали то, что обычно делали слуги: отпирали двери из чистого золота. Войдя в залу, он увидел свою супругу сидящую на троне из цельного куска золота около двух миль высоты; на ней была корона трёх локтей высоты, обрамлённая бриллиантами и рубинами. В одной руке она держала скипетр, в другой – державу, а по обе стороны от неё стояла свита в два ряда, один меньше другого: от великанов в две мили высотой до мельчайшего карлика, что меньше твоего мизинца. А перед ней стояло множество князей и баронов; прошёл среди них рыбак и спросил:

– Жена, теперь ты императрица?

– Да, – сказала жена, – я Императрица – и как стал он туда, так и начал её рассматривать, а рассмотрев какое-то время, сказал:

– Ах, жена, а всё же хорошо стало, что ты теперь Императрица.

– Муж, – сказала она, – а ты-то что здесь стоишь? Я-то теперь императрица, но ныне я хочу быть Папой Римским; иди к рыбе.

– Ох, жена, – простонал старик, – что же тебе ничего другого не хочется? Ну не можешь ты быть Папой, не было ещё такого в христианстве; не сможет Он сделать тебя Папой!

– Муж, – настаивала жена – я хочу стать Папой, сейчас же иди к нему, мне нужно сегодня же стать Папой!

– Нет, жена, – упирался рыбак, – не любо ему такое говорить, это уже слишком, не сможет камбала тебя сделать папой

– Муж, не болтай чепухи, – прервала его жена, – смог сделать императрицей – сможет сделать и Папой. Ступай к нему немедленно. Я императрица, а ты мой муж. Иди по-хорошему!

Переживал он, но пошёл; шёл медленно, ибо его трясло и колотило, подгибались колени и болтались икры. И поднялся ветер над землёй и погнал облака, и стало мрачно будто в вечерних сумерках. Листья срывало с деревьев, а вода вздымалась и бушевала так, будто все море разом вскипело, и вода бултыхалась о берег, и вдали виделись ему корабли, подающие сигналы бедствия, скачущие в безумной пляске на гребне волны. Но небо было только в середине немножечко синим, а со всех сторон густела краснота, как будто во время жестокой грозы. И вот, совсем отчаявшийся, пришёл он берегу и встал, и в ужасе крикнул:

– Человечек – человек
Зовёт тебя весь Божий век
Илзебиль, моя жена
Другого хочет, нежели я.

Приплыла к нему камбала и спросила:

– И что же она хочет теперь?

– Ах, – воскликнул старик, – хочет она стать Папой римским!

– Ступай, она уже им стала.

И побрёл Рыбак обратно, а как пришёл, то увидел огромную церковь, окружённую дворцом. В ней было тесно от огромного количества людей; всё было светлым-светло от тысячи огней и его жена, вся в золоте, сидела на троне ещё выше прежнего, и три золотых венца были на ней. Вокруг неё стояло великое множество духовенства, а по обе стороны были расположены два ряда горящих свечей, самая большая из них как самая высокая башня а самая маленькая как маленький кухонный огонёк. И все короли и императоры стояли перед ней на коленях и целовали ей туфли.

– Жена, – промолвил старик и пристально на неё посмотрел, – ты теперь Папа?

– Да, – ответила она, – я теперь Папа, – чуть отойдя, он ещё раз присмотрелся и привиделось ему, что светлый лик солнца стоит перед ним. Полюбовавшись женой какое-то время он промолвил:

– Ах, жена, всё же хорошо вышло, что ты стала Папой, – она сидела в застывшей позе и не жилка не дёрнулась на её окаменевшем лице. Тогда он сказал:

– Теперь радуйся, жена, что ты стала Папой, выше тебе уже никем не стать.

– Об этом я ещё подумаю, – ответила жена. С тем они и пошли спать. Но радости у неё не было, наоборот, не давали ей спать жадность и жажда [власти]; все время думала она, кем же она ещё может стать?

Муж же хорошо и крепко проспал до света, ведь ему много пришлось побегать днём. Жена же ночью не сомкнула глаз, и ворочалась всю ночь с боку на бок, и все размышлял, кем же она теперь может стать, и больше ни о чем не смогла и помыслить. Между тем забрезжило солнце, и как только увидела она утреннюю красноту неба, то села на кровати прямо и заглянула в неё. И как только она увидела в окно наливающееся солнце, то подумала: ха, а почему не в моей власти позволить встать Солнцу и Луне?

– Муж, – позвала она и толкнула его локтем в рёбра – вставай, иди к рыбе. Я хочу стать как Господь Бог.

Муж ещё был совсем сонный, но испугался так, что свалился с кровати. Ему показалось, что он ослышался, поэтому, протерев глаза, он переспросил:

– Что ты сказала, жена?

– Муж, – сказала она – я не могу выносить, что я не могу приказать Солнцу и Луне остановиться в небе и у меня не будет ни минуты покоя до тех пор, пока их движения не будут мне подчиняться, – при этом взглянула она на него так злобно, что старика переполнил ужас, – тотчас же иди к нему Я хочу стать Господом Богом!

– Ах, жена! – взмолился старик упав перед ней на колени, – не сможет этого сделать рыба. Императором и папой она смогла тебя сделать, – так умоляю тебя, остепенись, останься папой!

Тут взяла старуху такая злоба, что волосы дыбом на голове стали; и как она закричит: " Я этого не вынесу! Ни секунды боле я этого не вынесу! Пойдёшь ты наконец? " – тут натянул старик портки и выбежал из дома, словно умалишённый.

А снаружи ревел шторм и бушевало так, что старик еле мог передвигать ноги. Деревья и дома стелились к земле, горы дрожали и скальные глыбы катались по морю, а небо было чёрное как смоль, громыхало и полыхало и по морю шли чёрные волны, высокие, словно горы или шпиль церквей, и у всех было по белоснежному пенному венцу. И вскричал он, хоть и не смог услышать своих слов:

– Человечек – человек
Зовёт тебя весь Божий век

Илзебиль, моя жена
Другого хочет, нежели я.

Приплыла к нему камбала и спросила:

– И что же она хочет теперь?

– Ах, – сказал старик, – захотелось ей стать Господом Богом!

– Ступай туда, она сидит опять в рыбацкой хижине.

Так и сидят они по сей день.

6. Гензель и Гретель (сказка братьев Гримм)

В одном большом лесу жил да был бедный дровосек со своей женой и двумя детьми: мальчиком по имени Гензель и девочкой Гретель. Жили скромно, но было и немного пожевать, и немного похрустеть, а как подскочили цены в стране, так и на хлеб хватать не стало. И вот лежит вечером дровосек, да думы думает, от беспокойства ворочается, а потом вздохни, да и скажи жене:

– Что же с нами будет? Как же мы прокормим наших бедных детей, если самим-то больше ничего не осталось?

– Знаешь что, муж, – ответила жена, – давай-ка мы завтра ранним утром отведём наших детей в лес, в самую чащу. Там разведём для них огонь и дадим им по куску хлеба, а сами пойдём на работу и оставим их одних. Обратный путь домой они не найдут; так мы от них и избавимся.

– Нет, жена! – запротестовал муж, – я этого не сделаю, у меня рука не поднимется, своих детей, да одних в лесу оставить! Сразу же понабегут же дикие звери и их разорвут!

– Ох, ну и дурак же ты, – возмутилась жена, – тогда мы все четверо вынуждены умирать голодной смертью, а тебе лишь останется строгать доски для гроба, – так и не давала ему покоя, пока он не согласился.

– Но ведь, эти бедные детки, это же моё продолжение, – только и смог возразить бедный дровосек.

А детки в то время глаз от голода не смогли сомкнуть, вот и услышали всё, что их мачеха отцу сказывала. Заплакала Гретель горячими слезами и произнесла:

– Вот, что теперь с нами случится.

– Тише, Гретель, – прошептал Гензель, – не печалься. Я постараюсь вам помочь, – и, как только старшие заснули, встал он со своей постельки, оделся, отворил дверку в сенцы и прокрался наружу. В ярком лунном свете было видно, как блестит тут и там лежащая у дома белая галька, будто бы разбросанные пригоршни золотых. Наклонился Гензель и набрал тех камешков себе столько, сколько в карманы поместилось. Вернулся он обратно и сказал Гретель: "Засыпай спокойно, любимая сестрёнка, будь уверена, Господь нас не оставит," – и снова лёг в свою кровать.

И как только занялся день, но ещё не взошло солнце, пришла жена и разбудила детей: "Поднимайтесь, лежебоки, пойдём в лес собирать хворост." Потом дала она им по кусочку хлеба и наказала: "Это вам на обед; не съешьте раньше, а то потом ничего не получите." Гретель спрятала хлеб под фартук потому что у Гензеля была полная сумка камней. А после все вместе держали путь в сторону леса. Долго ли коротко ли шли они, пока не встал как-то Гензель и посмотрел обратно в сторону дома, а через некоторое время ещё и опять и опять. Отец проворчал:

– Что ж ты, Гензель, там всё высматриваешь, да постоянно останавливаешься? Смотри под ноги, а то сломаешь!

– Ах, отец, – отвечал Гензель – я смотрю на мою белую кошечку, что сидит на крыше и хочет мне сказать "Прощай".

Жена ругнулась: "Дурак! Это не твоя кошка, это утреннее солнце светит из-за печной трубы." – но Гензель не смотрел на кошку на крыше, а только постоянно бросал галечку за галечкой из своей сумки на дорогу.

Как пришли они в середину леса, сказал им отец: "Теперь, детки, соберите хворост, а я разведу огонь, чтобы вы не замёрзли". Гензель и Гретель собрали хвороста с небольшую гору.

Хворост зажгли и когда огонь разгорелся, жена сказала: "Теперь, детишки, ложитесь к огню и отдыхайте, а мы пойдём в лес рубить дрова. Когда мы закончим, то придём обратно и заберём вас."

Гензель и Гретель сидели у огня, и как пришёл обед, они съели свои кусочки хлеба. И пока им слышались удары топора, верили они, что отец где-то близко. Только это был не топор дровосека, а ветка засохшего дерева, что стучала оттого, что ветер мотал её туда-сюда. И сидели детки у огня так долго, что веки их отяжелели, и Гензель и Гретель крепко заснули. Когда они наконец-то проснулись, была уже тёмная ночь. Гретель опять начала плакать и спросила: "Как же мы из леса-то выйдем?" – Гензель ее успокоил: "Подожди немножко, вот выйдет луна, и тогда мы точно найдём дорогу домой." И как только взошла полная луна, Гензель взял свою сестрёнку за руку и пошёл по маленькой гальке, что мерцала в лунном свете, как кучки свежеотчеканенных монет, показывая деткам дорогу. Они шли всю ночь напролёт, и только к началу дня они подошли к отцовскому дому. Когда детишки постучали в дверь, то открыла им мачеха да, увидав их, как начала браниться: "Ах вы, говорит, дурные дети, что же вы так долго в лесу-то спали, мы уж подумали, что вы больше домой не вернётесь." Отец же обрадовался, ибо по сердцу ему было, что дети смогли домой вернуться.

Долго ли, коротко ли, а пришла опять нужда в каждый угол, и услышали детки как мачеха по ночам отцу говорит: "Всё, что нам осталось на пропитание, это полбуханки хлеба, а потом наша песенка спета. Дети должны уйти, мы заведём их в лес поглубже, так глубоко, чтобы они оттуда уже не вернулись. Иначе нет нам спасения!" А дровосек лежал с камнем на сердце и думал: уж лучше бы ты со своими детьми последним куском поделился. Да только баба его и слушать не хотела, а всё о своём пилила да упрекала. Сказал А – говори Б, и если в первый раз он пошёл ей на уступки, то пришлось и во второй раз уступить.

Но дети ещё не спали и подслушали разговор взрослых. Когда отец с мачехой всё-таки заснули, снова встал Гензель и хотел было опять собрать белых камешков, как в прошлый раз, но жена крепко заперла дверь и Гензель не смог выйти. Но всё же он успокоил сестрёнку, сказав: "Не плачь, Гретель, засыпай спокойно, Господь милостив, он нас не оставит."

Ранним утром пришла жена и вытащила детей из постелей. Она раздала им куски хлеба ещё меньше, чем в прошлый раз. По пути в лес раскрошил Гензель свой кусок в сумке, да и стал частенько останавливаться да незаметно крошки на землю бросать.

– Гензель, что ты всё останавливаешься да оглядываешься? – взорвался отец, – не отставай!

– Я вижу мою голубушку, что сидит на крыше и хочет мне сказать "прощай", – ответил Гензель.

– Дурак, – усмехнулась жена, – никакая это не голубка, это утреннее солнце выглядывает из-за печной трубы, – а Гензель всё бросал и бросал крошки на дорогу.

Вот, завела мачеха детей в такую далёкую чашу, где они ещё ни разу в своей жизни не бывали. И снова развели костёр и мачеха сказала: "Сидите здесь, детки; если устанете, можете немножко поспать. А мы пойдём валить лес и вечером, когда закончим, придём и вас заберём." Как пришёл полдень, разделила Гретель свой кусок хлеба с братом, ведь Гензель свой кусок рассыпал по дороге. Зачем они заснули и пришёл вечер; но никто так и не пришёл к бедным детям. Проснулись они тёмной ночью, и Гензель успокаивал сестру, говоря: "Только подожди, Гретель, как луна взойдёт, тогда мы увидим хлебные крошки, что я рассыпал, и они покажут нам дорогу к дому." А как взошла луна, то открылось им, что не могут они найти тех хлебных крошек, ибо склевали их тысячи птиц, что летают по полям и лесам. Гензель сказал Гретель: "Мы скоро найдём путь," – но поиски были безуспешны. Они шли всю ночь и весь следующий день, с утра и до вечера, но так и не вышли из леса, и они были так голодны, ведь у них не было ничего, кроме нескольких ягод. И когда они устали настолько, что ноги перестали их нести, то легли под дерево и заснули.

Настало третье утро, как они покинули отчий дом. Они снова начали идти, но уходили всё глубже в чащу, и так как помощи было ждать неоткуда, начали детки отчаиваться. И вдруг, в полдень, увидели они красивую белоснежную птичку, что пела на ветке свою песенку, такую красивую, что детки замерли да заслушались. А как закончила она петь, то расправила свои крылья и полетела, словно маня за собой, и бежали детки вслед за ней, и прибежали к маленькому домику, на крышу которого птичка и села. Когда они подошли совсем близко, то оказалась, что домик сделан из хлеба и покрыт пирожными, а окошки в нём сделаны из прозрачного сахара.

– Давай-ка что-нибудь отсюда снимем, – сказал Гензель сестре, – и у нас будет Благословенная трапеза. Я хочу съесть кусок крыши, Гретель, а ты съешь кусок от окна; оно, должно быть, сладкое.

Гензель встал на цыпочки и отломил себе немножко от крыши попробовать на вкус, а Гретель совершенно случайно наступила на ломтик и ломтик хрустнул. И вдруг из горницы раздался тоненький голосок:

– Кто домик мой кусает,

Хрустит да подгрызает?

А они в ответ:

– Это лишь ветер,

Да небесные дети, – и дальше принялись есть, стараясь не хрустеть. Гензель, которому крыша показалась очень вкусной, сорвал с неё кусок побольше, а Гретель, выдавив себе кругленькое сахарное оконце, присела на корточки и уже совсем воспряла духом, как вдруг отворилась дверка, и из дома, опираясь на клюку, выползла сморщенная старушка. Гензель и Гретель испугались так сильно, что у них аж из рук всё попадало. А старушка покачала головой да сказала:

– Ох, милые детки, что же вас сюда принесло? Заходите лучше внутрь, да оставайтесь у меня, не пожалеете.

Взяла она детей за руки и повела их в домик. А там вкуснятины – видимо-невидимо: и молоко, и сахарные пончики, и яблоки, и орехи, чего только нет! А ещё в домике стояли две кровати, покрытые белоснежными перинами, и когда, основательно подкрепившись, детки легли почитать, показалось им, что попали они в рай.

Но старушка дружелюбной была только с виду, а на деле была злой ведьмой, что подстерегала маленьких детишек и пряничный домик построила специально, чтобы их приманивать. Когда дитя попадало под её чары, она его умертвляла, варила и ела и это был для неё праздник. У ведьм красные глаза и они очень плохо видят вдаль, но у них звериное чутье, и так они загодя замечают, когда подходят люди. Когда Гензель и Гретель только вошли в её владения, она злобно расхохоталась и издевательски проскрежетала:

– А вот и моя добыча. Уж эти-то от меня точно не ускользнут!

Рано утром, когда дети ещё не проснулись, она встала и, взглянув на их красивые спокойные личики да румяные щёчки, пробормотала себе под нос: "Хорошей они будут трапезой...". Взяла она Гензеля своими костлявыми руками, отнесла его в хлев, да и посадила его там в клетку. Ему хотелось кричать, что есть сил, да всё без толку. Потом пошла она к Гретель, встряхнула ее посильнее и гаркнула:

– Вставай, лежебока, принеси воды да приготовь своему братцу, что сейчас в хлеву сидит, что-нибудь повкуснее, он потолстеть должен. А как потолстеет он, так я его съем.

Начала плакать Гретель горячими слезами, да всё было напрасно; пришлось делать то, что наказала злая колдунья.

И стала теперь бедному Гензелю готовиться самая лучшая еда, а Гретель не получала ничего, кроме объедков. А каждое утро прокрадывалась старуха в хлев и звала:

– Гензель, протяни палец, чтобы я почувствовала, скоро ли ты будешь упитанный, – но Гензель протягивал ей косточку, и подслеповатая старуха, думая что это палец, очень удивлялась, что мальчик ни капельки не поправился. Когда прошло уже четыре недели, а Гензель оставался всё таким же тощим, охватило старую нетерпение, и не захотела она ждать боле.

– Ну ты, Гретель! – рывкнула она на девочку, – натаскай-ка воды пошустрей! Толстый ли, худой ли твой Гензель, а все одно, зарежу я его завтра и сварю!

Ох, как причитала сестрѐнка, вынужденная носить воду, как текли горячие слезы вниз по её щекам!

– Господи, хоть ты нам помоги! – вскрикивала она, – если б нас дикие звери в лесу разорвали, так хоть бы умерли мы вместе!

– Прибереги своё хныканье, – сказала старуха, – оно тебе ничем не поможет.

С утра должна была Гретель повесить котёл с водой и разжечь костёр.

– Сперва мы будем печь, – сказала старуха, – я уже и печь натопила и тесто замесила, – и подтолкнула бедную Гретель к печи, из которой уже вырывались языки пламени.

– Полезай внутрь, – сказала ведьма, – и посмотри, хорошо ли печка протопилась, чтобы я туда поставила хлеб, – и, как только Гретель оказалась бы внутри печки, задвинула бы старуха заслонку, а как Гретель'б запеклась, ведьма бы ею и полакомилась. Но девочка поняла, что старушка задумала, и произнесла:

– А я не знаю, как это делать, как же я туда полезу?

– Вот дура! – разбилась карга, – тоже мне великая наука! Смотри внимательно, как я сейчас сама всё сделаю! – и с этими словами она засунула печку голову. Тут Гретель старухе дала такого пинка, что ведьма целиком в печке оказалась, а Гретель быстро поставила железную заслонку и задвинула засов. Хуууу, как начала старуха выть звериным воем, но Гретель сбежала, и безбожная ведьма в муках сгорела дотла.

А Гретель побежала напрямик к Гензелю, открыла хлев и закричала: "Гензель, мы спасены! Старуха мертва!". Гензель вылетел, как птица из клетки, стоило лишь Гретель отворить дверь. И как они радовались, обнимались, прыгали вместе от восторга и целовались! А после, когда им уже совершенно было нечего бояться, они вошли ещё раз в старухин дом. А там во всех углах стояли ларцы с жемчугом и драгоценными камнями.

– Это получше, чем галька, – сказал Гензель, набив свою торбу драгоценностями. А Гретель прибавила:

– Возьму и я с собой в дом что-нибудь, – и набила полный передник.

– А теперь пора в путь, – произнёс Гензель, – так выйдем из заколдованного леса.

Но, пройдя несколько часов, достигли они большой воды.

– Не можем мы здесь перебраться, – заключил Гензель, – ни мостков не видно, ни моста.

– И кораблики не плавают, – ответила Гретель, – только плавает там белая уточка, и если я её попрошу, она нам поможет на ту сторону перебраться.

И кликнула утку Гретель:

– Утица, Утица,
На берегу братец с сестрицей
И ни моста, ни тростинки
Возьми нас на спинку!

Утица подплыла и Гензель сел ей на спину, и попросил сестрицу сесть к нему.

– Нет, – сказала Гретель, – уточке будет тяжело. Пусть она перевезёт нас по очереди.

Добрая уточка так и сделала, и когда они благополучно переправились, а потом прошли ещё немного, лес вдруг начал становиться всё более знакомым, и ещё, и ещё, и вот наконец-то вдали показался отчий дом. Тут они начали бежать, влетели в избу и повисли у своего отца на

шее. А отец-то с тех пор, как детей в лесу оставил, ни минуты радости не знал, ну а мачеха, так вообще померла. Гретель встряхнула своим передником и жемчужины и драгоценные камни поскакали кругом по комнате, пока Гензель вытаскивал из своей торбы одну пригоршню за другой драгоценностей. И остались у них горести позади, и зажили они вместе в любви и радости. Вот и сказочке конец, а кто слушал молодец. (дословно: кончилась моя сказка, пробежала мышка, кто поймает, сможет себе сделать меховую шапку).

7. Братик и сестричка (сказка братьев Гримм)

Братик взял сестричку за руку и сказал:

– С тех пор, как наша матушка отдала Богу душу, стала у нас жизнь совсем беспросветная. Мачеха постоянно нас колотит, а как мы к ней подходим, гонит нас ногами вон. Весь наш обед – это случайно оставленные на столе твёрдые хлебные корочки, даже собачка под столом, и то лучше живёт; ей хоть иногда достаются хорошие куски. Господи помилуй! Если бы наша мама знала! Пойдём, лучше будем вместе по белу свету скитаться.

Целый день они шли по лугам по полям по горам, а как пошёл дождь, так сестрёнка произнесла:

– И Боженька плачет вместе с нашими сердцами...

Вечером пришли они в дремучий лес и так они устали от несчастий, голода и долгого пути, что сели они в одно полое дерево, да там и заснули.

На следующее утро, когда они проснулись, солнце уже стояло высоко над горизонтом и жарко светило в полое дерево. Тут сказал братец:

– Сестричка, мне очень хочется пить, был бы неподалёку ключ – я сходил бы и напился. Я думаю, я слышу, что один тут журчит.

Захотелось им этот ручей найти, встал брат да взял сестрицу за руку. А мачеха оказалась ведьмой, она быстро прознала, что детишки сбежали, прокралась она к ним, незаметно, как ведьмы крадутся, да и заколдовала все ручьи в лесу. Как нашли детишки ручей в лесу что, сверкая, перекатывался по камушкам, так захотелось же сразу братцу из него испить. Но сестричка услышала сквозь шум ручья:

– Кто из меня выпьет, обратится тигром, кто из меня выпьет, обратится тигром... Воскликнула сестра:

– Умоляю тебя, братец, не пей из этого ручья, иначе станешь диким зверем и разорвёшь меня!

Послушался братец сестру, и хоть мучился жаждой, но сказал:

– Я подожду, пойдём к следующему ключу.

Когда они подошли ко второму ручью, сестричка опять услышала сквозь шум ручья:

– Кто из меня выпьет, обратится волком, кто из меня выпьет, обратится волком...

Воскликнула опять сестра:

– Умоляю тебя, братец, не пей из этого ручья, иначе станешь волком и проглотишь меня!

Не стал пить братец, но сказал:

– Подождём до следующего ручья, но там я точно попью, чтобы ты не говорила, уж больно мучает меня жажда.

А как подошли они к третьему ручью, то услышала сестра, что журчал ручей:

– Кто из меня выпьет, обратится оленем, кто из меня выпьет, обратится оленем...

Взмолилась сестра:

– Ах, братец, умоляю, не пей из ручья, иначе станешь оленем и убежишь от меня! – но братец уже у ручья опустил на колени, наклонился вниз и пил, но как только первая капля воды коснулась его губ, он превратился в оленя.

Заплакала сестрица горячими слезами над своим бедным заколдованным братцем, и братец плакал и смотрел перед собой грустными глазами. Сказала наконец сестрица:

– Тише, мой оленёнок, я тебя больше никогда не покину.

Она сняла с себя золотую подвязку, повязала ее оленёнку на шею, нарвала камышей и сплела из них белую верёвку. Этой верёвкой она повязала своего братца, повела его за собой

и пошла дальше в лес. Долго ли коротко ли, а пришли они, наконец, к одному маленькому домику. Девушка посмотрела внутрь и, увидев, что там пусто, подумала: мы можем здесь остаться жить. Потом искала она листьев и мха для мягкой подстилки оленёнку, и каждое утро выходила она в лес, собирала корни, ягоды и орехи и приносила с собой оленёнку свежей травы и они играли и резвились вместе. А по вечерам, когда сестрица, устав, произносила свою молитву, прикладывалась она головой к оленьей спине и на ней, как на подушке, спокойно засыпала. И если бы только у братца было человеческое обличье, прелестная бы это была жизнь.

И долгое время так и жили они одни в своей чаще. Но однажды случилось так, что король той земли устроил в лесу большую охоту. Наполнилась чаща сигналами охотничьих рогов, лаем собак и бравурными криками охотников, услышал это братец-олень и захотелось ему побывать на охоте.

– Ах, – взмолился он, – отпусти меня на охоту, сил нет, как хочется там побывать! – и умолял до тех пор, пока сестрица, наконец, не сдалась.

– Только к вечеру возвращайся, – наказала она, – перед яростными охотниками я нашу дверцу закрою, а тебя я узнаю, когда постучишься ты и скажешь " Впусти меня сестрица", а если ты так не скажешь, то и не открою я дверцу.

И поскакал братец оленёнок прочь, и было ему весело и хорошо на вольном воздухе. Король с охотниками заметили красивого зверя и погнались за ним, но не догнали, и когда они это поняли, то заприметили, что олень перепрыгнул через кустарник и поранился. А как опустилась ночь, прибежал он к домику, стукнул по двери и промолвил "Впусти меня, сестрица!". Открылась дверца, запрыгнул братец внутрь и всю ночь отдыхал на своей мягкой подстилке. На следующее утро вновь началась охота, и как услышал оленёнок звуки охотничьих рожков и радостные крики охотников, так сразу потерял он покой и взмолился:

– Сестрица миленькая, открой мне дверь, мне нужно наружу!

Отворила ему сестрёнка дверь и наказала:

– Только вечером тебе нужно домой и я открою тебе, когда свой стишок ты опять мне скажешь.

Как увидели снова король со своими охотниками того самого оленёнка с золотой лентой на шее так и погнались опять за ним, но оказывался зверь быстрее и проворней. Так продолжалось весь день, но под вечер охотники его обложили, один из них легко ранил его в ногу, олень захромал и убегал медленнее. Прокрался за ним один охотник до самого дома и услышал, как сказал оленёнок: " Впусти меня, сестрица!", и увидел, как дверь отворилась и тотчас же затворилась. Охотник хорошо всё это запомнил, пошёл к королю и рассказал ему всё, что видел и слышал. Тогда сказал король: " Завтра опять будет охота."

А сестрица сильно испугалась, когда увидела, что её оленёнок ранен. Она отмыла ему кровь, перевязала рану с травами и сказала: " Иди на лежанку, мой Оленёнок, тебе нужно поправляться." Но рана оказалась столь лёгкой, что к утру братец её уже и не чувствовал. И когда услышал он приближающиеся звуки охоты, опять начал он хорохориться:

– Не могу я больше этого выносить, мне нужно быть там на охоте; быстро я никому там не достанусь! – а сестрица плакала да приговаривала:

– Вот убьют они тебя, да останусь я здесь одна-одинешенька, всеми покинутая... Не пушу!

– Тогда я здесь умру со скуки, – заупрямился оленёнок, – а ежели услышу я звук охотничьего рога то, думается мне, буду я здесь скакать как на иголках!

Ну что же такое сделать, открыла ему сестра дверь с тяжёлым сердцем и братец, здоров и весел, поскакал в лес. Как заприметил его король, так приказал своим егерям: " Гоните его весь день до самой ночи, но ни в коем разе не пораньте!". Как только зашло солнце, король сказал

своему егерю: " Теперь пойдём, покажешь мне этот домик в лесу, " – и когда они подошли к дверце, постучался король и позвал: " Милая сестрица,пусти меня! " .

Открылась дверь, король вошёл в горницу, а там стояла девушка, краше которой он в жизни не видел. Испугалась девица, когда увидела, что вместо её оленёнка в горницу вошёл мужчина золотой короной на голове. Но король выглядел дружелюбно; протянул он ей руку и спросил:

– Хочешь ли ты пойти со мной в мой замок и стать моей любимой женой?

– Да, – ответила девушка, – только со мной должен быть оленёнок, я его не покину.

Сказал тогда король:

– Пусть он будет с тобой рядом всю жизнь и никогда не потеряется.

Тотчас же прибежал оленёнок, повязала сестрица ему верёвку, взяла её в руку, и пошли они вместе из домика.

Посадил король красну девицу на коня и повёз её в замок, где у них была пышная свадьба, и стала она королевой, и жили они вместе счастливо долгое время; оленёнка же холили и лелеяли, и резвился он в саду, что вокруг замка. А злая мачеха, по чьей милости детки бежали в лес, не помышляла иначе, чем так, что сестрицу в лесу разорвали дикие звери, а братец, обратившийся оленем, убит охотниками. А как услышала она, как они счастливы, да как им хорошо живётся, зашевелились в её сердце зависть да злоба и не давали ей покоя, и не было у неё более мыслей, кроме как принести им обоим ещё несчастья. Да ещё и родная дочь, страшная как смертный грех, к тому же одноглазая, принялась упрекать:

– Она-де королевой стала, а ведь такое счастье должно было мне достаться! -

– Тише ты! – цыкнула на неё старуха и, довольная, добавила, – когда придёт время, всё будет в наших руках.

И вот, как пришло время, произвела на свет королева хорошенького мальчика, король в это время был на охоте, а старая ведьма, приняв личину фрейлины, вошла в горницу, где лежала королева, и сказала роженице:

– Пойдёмте, Ваше Величество, ванна готова. Она улучшит Ваше самочувствие и придаст Вам свежих сил. Поторопитесь, она как раз холодная!

А старухина дочка была как раз под рукой, отнесла королеву в ванную комнату, положила её в ванную, а потом обе-две закрыли дверь и побежали оттуда. А в ванной комнате они развели такой адский огонь, что юная прекрасная королева точно должна была угореть.

Когда всё случилось, взяла старуха свою дочь, надела ей чепец на голову и положила ее в ванную вместо королевы. Наклдовала она дочери и облик королевы, да только потерянный глаз не смогла вернуть обратно. А для того чтобы король ничего не заметил, должна была лежать на том боку, где у неё глаза-то и не было. Вечером вернулся с охоты и сам король и узнал, что у него родился сынок, обрадовался и пошёл в опочивальню жену любимую проведать да посмотреть, что делает. Тут старуха торопливо ему затараторила:

– Нельзя, – говорит, – ни в коем случае и шторы закройте, королеве не разрешили свет, и вообще, ей покой нужен.

Так и пошёл король обратно, не узнав, что в кровати лежит ненастоящая королева.

Но когда наступила полночь и все уже спали, увидела нянечка, что сидела в детской около колыбельки и единственная не спала, как открылась дверь и вошла настоящая королева. Взяла она младенца на руки и дала ему пить. Потом взбила она ему подушку, положила на неё младенца и накрыла его перинкой. Не забыла она и про оленёнка, пошла она в угол, где он лежал, и погладила его по спинке. А после вышла неслышно из комнаты, а утром нянечка спросила стражников, не входил ли кто-либо ночью в замок. Но они ответили: " Нет, никого не было."

Так приходила она много ночей, при этом не говоря ни слова; нянечка всегда её видела, но не осмелилась хоть кому-то об этом рассказать.

И вот случилось так, что вошла ночью в детскую королева и промолвила:

– Как братец мой? И как дитя?
Теперь скажу я не шутя:
Ещё два раза я приду
И нет меня...

Не ответила ей ничего нянечка, ибо королева снова исчезла, но пошла она к королю и всё ему рассказала. Воскликнул король:

– Боже мой, да что ж это такое? Следующей ночью я буду смотреть за ребёнком!
Вечером пришёл король в детскую, а в полночь пришла Королева и произнесла:

– Как братец мой? И как дитя?
Теперь скажу я не шутя:
Единожды ещё приду
И нет меня...

Прежде чем исчезнуть, она, как обычно, позаботилась о ребёнке. Не осмелился король ей ответить, но следующей ночью он также остался присмотреть за ребёнком. И когда она вновь сказала:

– Как братец мой? И как дитя?
Теперь скажу я не шутя:
Последний раз пришла
И нет меня...

– не выдержал тогда король, подскочил к ней и выпалил:
– Ты не можешь быть никем другим, кроме как моей любимой женой! – и ответила она:
– Да, я твоя жена, – и взгляд её по Божьей милости стал оживать, и стала она вновь свежей румяной и здоровой. Рассказала она королю о том злодеянии, что мачеха с дочерью над ней совершили. Предал их король суду и вынесли им приговор. Дочь увезли в лес, где её растерзали дикие звери, а злую ведьму кинули в костёр, где она должна была сгореть в страшных муках. И как остался от неё только пепел, преобразился оленёнок и приобрёл опять человеческое обличье. И стали они жить-поживать, да добра наживать.

8. Мальчик с пальчик (сказка братьев Гримм)

Жил да был один бедный крестьянин. Сидели они как-то вечером с женой у очага: он огонь поддерживал, а жена пряла свою пряжу. Тут крестьянин промолвил:

– Грустно нам без детей. У нас опять тишина, а в других домах весёлая кутерьма.

– Да, – ответила жена и вздохнула, – был бы хоть один, да будь он хоть совсем маленький, с палец ростом, а всё равно были бы очень рады; да и любили бы его всем сердцем.

И случилось как-то, что жена захворала а через семь месяцев родила маленького ребёночка, который хоть и был ладно скроен да крепко сшит, а ростиком вышел не больше пальца. Сказали крестьянин и крестьянка: «Вот такой, как мы и желали, так будет нашим любимым дитём,» – и назвали его из-за роста Мальчик-с-пальчик. В питании у мальчика недостатка не было, но больше он не становился, а наоборот, был таким же как в первый час своей жизни; зато у него был понимающий взгляд, и скоро он показал, как споро и толково он делал все дела, за которые принимался.

Собрался как-то раз крестьянин в лес нарубить дров; и пробормотал он про себя:

– Эх, был бы ещё тот, кто б мне туда телегу приволок.

– Батюшка! – откликнулся Мальчик-с-пальчик, – телегу-то я точно приведу, уж будьте покойны, в нужное время телега будет в лесу!

Рассмеялся тут мужчина, да спрашивает:

– Как же это произойдёт, ведь ты слишком мал, чтоб поводи́ями с лоша́дью – то управлять?

– Да это и неважно, батюшка: как матушка запряжёт, так я лошади в ухо и сяду и оттуда буду говорить, куда идти.

– Ну, – ответил отец, – давай-ка разок попробуем, – и как настал час, запрягла мать лошадь, сел мальчик-с-пальчик ей в ухо: крикнул малыш, чтобы лошадь услышала "Ню! Пошла, родимая!". Двинулась лошадь правильно, словно управлял ей мастер, и повозка пошла правильным путём прямо в лес. Случилось так, что когда они спокойно огибали угол и малец кричал в ухо лошади "Левее! Левее", проходили рядом два незнакомых господина.

– Подумать только! – сказал один другому, – что же это получается? Едет себе телега, возница лошадь понукает, а его-то и не видно!

– Случай из ряда вон выходящий, – согласился второй, – давай-ка пойдём за телегой и посмотрим, где она остановится.

А телега полностью уже ушла в лес и остановилась прямо у той площадки, где уже лежали нарубленные дрова. Как увидел мальчик-с-пальчик своего отца, так крикнул ему:

– Вот видишь, батюшка, здесь я, вместе с телегой, теперь доставай меня отсюда.

Схватил отец лошадь левой, а правой сыночка из уха вытащил, а тот сел себе радостно на соломинку. А как двое тех чужаков мальчика-с-пальчика увидели, так и онемели оба от изумления. Отвёл один другого в сторону, да и говорит: " Слушай, а малой-то нам много удачи смог бы принести, кабы нам, да в большом городе его за деньги показывать. Давай-ка его купим." Подошли они к отцу и говорят:

– Продай нам короты́ша, он у нас добра наживёт.

– Нет, – ответил отец, – Это Кровинушка моя, я его за все деньги мира никому не отдам.

А мальчик-с-пальчик как услышал о сделке, прокрался по отцовской фалде, встал батюшке на плечо, да зашептал в ухо: " Батя, ты только меня отдай, а я скоро вернусь." Отдал-таки его отец двум незнакомым господам за большой кусок золота.

– Где ты хочешь сидеть? – спросили они мальчика.

– Ах, посадите меня на полу вашей шляпы; буду я там туда-сюда ходить, окрестности рассматривать, и вниз не упаду.

Исполнили они его желание, и, как только мальчик-с-пальчик попрощался с отцом, отправились втроём в путь. Так шли они, пока не стемнело, тут попросил коротыш:

– Спустите меня разок вниз, очень надо.

– Оставайся наверху, – ответил мужчина, на чьей голове он сидел, – не буду я этого делать: с тебя ж как с птички, упадёт и не заметишь.

– Нет, – заупрямился мальчонка, – я тоже знаю, как прилично. Спустите меня по быстренькому вниз.

Снял мужчина шляпу да посадил коротыша на пашне вдоль дороги, а тот прыгнул, поползал взад-вперёд меж комьев земли, увидел мышиную нору, да и юрк в неё! Крикнул только наружу: "Добрый вечер, господа хорошие, идите уж домой как-нибудь без меня!" – и засмеялся. Подошли они к мышинной норе, и ну давай тыкать в неё своими тростями, да только напрасно всё было, мальчик-с-пальчик давно уже вылез и ушёл в другую нору; а как совсем стемнело, пришлось им гневно удалиться с полными ртами злобы да пустыми кошельками.

Как увидел мальчик-с-пальчик, что они уже ушли, выполз он из своего подземного коридора наружу. "Опасно идти по темени в поле, – размышлял он вслух, – эдак и шею с ногами недолго сломать". По счастью наткнулся он на пустую раковину от улитки.

– Слава Богу! – обрадовался он, – тут-то, конечно, можно и ночь скоротать, – и уселся внутри. Немного позже, когда он только приготовился спокойно заснуть, услышал он, что идут мимо двое мужчин, один из которых говорил:

– Как бы нам так сделать, чтобы у богатенького пастора его золото да серебро стащить?

– Я вам могу это сказать, – крикнул Мальчик-с-Пальчик между делом.

– Что это было? – спросил испуганно один из воров. Встали они да прислушались, а Мальчик-с-пальчик продолжил:

– Возьмите меня с собой, а я вам помогу.

– А где ж ты тогда?

– А вы прислушайтесь здесь, прямо на земле и подметьте, откуда голос-то идёт, – ответил он. Нашли его наконец-то воры и подняли его повыше.

– И чем же ты, карапуз, нам хочешь помочь? – спросили они.

– Смотрите, – ответил он, – я пролезаю между железными прутьями в комнату пастора и вытаскиваю вам наружу всё, что вы хотели.

– Ладно, – сказали они, – мы хотим посмотреть, на что ты способен.

Когда они подошли к дому пастора, пролез Мальчик-с-Пальчик в комнату, да как крикнет оттуда что есть мочи:

– Вы хотите всё, что здесь есть? – испугались воры, да говорят ему:

– Тише говори, а то всех перебудишь! – но Мальчик-с-Пальчик сделал вид, будто он их не понял, и снова закричал:

– Что вы хотите? Вы хотите всё, что здесь есть? – услышала это кухарка, что спала в комнате, повернулась набок, да начала прислушиваться. Воры уже, было, с испугу дали стрекача, но, снова собравшись духом, подумали "подразнить нас хочет карапуз", воротились да зашептали ему:

– Теперь шутки в сторону, вынь нам что-нибудь оттуда, – тут Мальчик-с-Пальчик опять закричал со всей мочи:

– Я вам всё подам, руки только просуньте! – тут девка раньше подумавшая, что ей показалось, услышала всё совершенно точно. Вскочила она с кровати, да распахнула двери настежь. Вскочили воры и ну бежать, только пятки засверкали! А Магда, так как ничего так и не заметила, пошла зажигать свет. Как она отошла, Мальчик-с-Пальчик, пока его никто не видит,

юркнул в сарай. Кухарка же, обыскав все углы и ничего не найдя, легла наконец-то в кровать и подумала, что ей это всего лишь приснилось.

Мальчик-с-пальчик взобрался на кучку сена и нашёл там прекрасное место для ночлега: там он хотел отдохнуть до наступления дня и уже тогда вернуться домой к родителям. Но не тут-то было! Ох, сколько горестей и нужды в этом мире! Магда проснулась, как обычно, как только забрезжил рассвет, быстро встала с постели и решила покормить скотину. И первым делом зашла она в сарай и набрала полную охапку сена как раз с того места, где Мальчик-с-Пальчик лежал и спал. А спал он крепко и ничего не осознал до тех пор, пока не проснулся в зеве коровы, которая захватила его вместе с сеном. "Господи! – закричал он, – как же меня в сукновальную мельницу-то упасть угораздило?" – но вскоре сообразил, где он на самом деле. Сказав это, он постарался не попасть корове прямо в зубы, чтобы его не перемололо, но вынужден он был тогда сползти прямо в утробу. "Забыли в этой комнатке оконца пропилить, – сказал он, – и солнышко сюда не светит, и здесь ни огонька." Ему вообще здесь не понравилось, но что было хуже всего, это то что сверху поступали новые комки сена и пространство становилось все меньше и меньше. И от страха закричал он со всей мочи: "Не носи мне больше корма, не носи мне больше корма!". А в это время Магда как раз доила ту самую корову, и как услышала она эту речь, не увидев никого вокруг, да ещё тем же самым голосом, что она слышала ночью, то с испугу скатилась она с табуретки и пролила молоко. Прибежала она к своему господину и закричала:

– Боже мой, господин пастор, корова заговорила!

– С ума сошла, – ответил ей священник но пошёл – таки в хлев, чтобы самому посмотреть, что же это было. И только он ступил одной ногой в хлев, Мальчик-с-Пальчик закричал снова:

– Не носи мне больше корма, не носи мне больше корма! – тут уже испугался сам священник, подумал он, что в корову вселился бес и приказал её забить. Вот корову и забили, да только желудок протолкнул Мальчика-с-Пальчика дальше и оказался он в навозе. Стал Мальчик-с-Пальчик сквозь него пробираться, много сил он на это потратил и наконец-то пробрался так далеко, что почти уже получил заветную свободу, но как только он высунул голову на свет Божий, случилось новое несчастье: ворвался голодный волк и заглотил все коровьи потроха в один присест. Но Мальчик-с-Пальчик не упал духом. "Возможно, – подумал он, – с ним можно будет договориться," – и обратился к нему прямо из живота:

– Дорогой волк, я знаю, где вы можете плотно подкрепиться!

– И как же туда добраться? – удивлённо поинтересовался волк.

– В такой-то такой-то дом вам нужно пробраться по водосточной трубе и тогда внутри вы найдёте пирогов, шпика и сосисок, сколько ваша душа пожелает, – и описал ему в точности дом своего отца. Волка не надо было уговаривать дважды; под покровом ночи он проник по водосточной трубе в дом и там наелся до отвала. Когда волк насытился, захотел над тем же путём уйти обратно, но так как он за это время сильно потолстел, уйти не удалось. А Мальчик-с-Пальчик на это-то как раз и рассчитывал, и начал он дюже неистовствовать, шуметь да кричать изо всех сил.

– Утихнешь ты или нет? – возмутился волк, – людей разбудишь!

– А что? – ответил Мальчик-с-Пальчик, – ты уже насытился, а теперь я хочу повеселиться, – и снова начал кричать со всей силы: проснулись наконец-то от этого мать с отцом, побежали к кладовой да поглядели в щель. Как увидели они, что там волк хозяйничает, то отошли, муж взял топор, а жена – косу.

– Остайся здесь, – сказал муж жене входя в кладовую, – если я его не зарублю с одного удара, то ударишь ты и вспорешь ему брюхо, – услышал мальчик-с-пальчик отцовский голос, да закричал:

– Батюшка, здесь я, в волчьем брюхе! – вскричал отец радостно:

– Боже милостивый, наш сын снова нашёлся! – да наказал жене убрать косу, чтобы мальчика не повредить. Затем замахнулся и рубанул волка по голове так, что тот рухнул замертво: нашли они затем нож и ножницы, вспороли волку брюхо и достали опять мальчика на свет Божий.

– Ах, – сказал отец, – как же мы о тебе беспокоились!

– Да, батюшка, довольно я поскитался по миру. Слава Богу, теперь дышу здесь опять свежим воздухом.

– А где ж ты был всё это время?

– Эх, батюшка, довелось мне побывать и в мышинной норе, и в коровьем брюхе, и волчьей утробе, теперь останусь я рядом с вами.

– А уж мы-то тебя теперь ни за какие богатства мира опять не продадим! – и обняли они и поцеловали своего Мальчика-с-Пальчика, дали ему еды и питья, да пошили новое платье, а то прежнее в путешествии совсем прохудилось.

9. Рапунцель (сказка братьев Гримм)

Жили-были муж и жена. Долгое время они напрасно мечтали о детях и в конце концов дал жене Господь надежду на то, что их мечта сбудется. Во флигеле их дома было маленькое окошко, из которого можно увидеть роскошный сад, полный красивых цветов и трав; но был он окружён высокой стеной, и никто не осмеливался в него войти, потому что сад принадлежал одной чародейке, что большую силу имела и весь мир её боялся. И вот стояла как-то жена у окна и взглянула на ту грядку, где росли колокольчики; цветочки выглядели такими свежими, а стебельки такими зелёными, так они ей понравились, что у неё возникло острое желание съесть колокольчики. И с каждым днём желание это становилось всё острее, хоть знала она, что не сможет его исполнить, и от этого совсем она угасла, стала выглядеть бледной и жалкой. Испугался муж и спросил:

– Что с тобой не так, жена любимая?

– Ах, – ответила жена, – коли с того сада, что за нашим домом, не удастся мне покусать колокольчиков, суждено мне, стало быть, умереть, – и муж, любивший свою жену больше жизни, подумал: "Прежде, чем дать своей жене умереть, достань-ка ты ей оттуда колокольчик, а там уж будь, что будет."

Итак, на закате перелез он через стену сада чародейки, нарвал в спешке пригоршню колокольчиков и принёс своей жене. Она тотчас же сделала из них салат, который с наслаждением съела. И так ей было хорошо, и так ей было вкусно, что на следующий день она ещё три раза возжелала колокольчиков. Чтобы она смогла успокоиться, пришлось мужу опять прибираться в тот сад. Итак, снова на закате собрался он в сад, и как только перелез он через высокую стену, то оцепенел от ужаса, ибо стояла перед ним колдунья, хозяйка сада.

– Как посмел ты, – спросила она, бросив на него гневный взгляд, – пробраться, как вор, в мой сад и красть у меня колокольчики? Ох, плохо для тебя это кончится!

– Ах, – ответил он, – пощадите меня, пожалуйста, ибо от большой нужды я на это решился: жена моя увидела в оконце ваши колокольчики, и так она их возжелала, что умерла бы, если бы ей не дали их отведать, – сменила чародейка гнев на милость и сказала:

– Ну, если ты мне правду говоришь, то, так и быть, забери колокольчиков, сколько тебе надобно, но с условием: отдашь ты мне ребёнка, которого твоя жена скоро родит. Ей будет у меня хорошо, буду я о ней заботиться как мать.

Мужчина от страха со всем согласился, и как подошёл жене срок рожать, появилась волшебница, назвала девочку Рапунцель в честь тех колокольчиков и забрала её с собой.

Рапунцель стала самой красивой девочкой на свете. Когда Рапунцель исполнилось двенадцать лет, заточила её колдунья в башню, что стояла в лесу и не имела ни лестницы, ни дверей, лишь маленькое окошко наверху. Когда чародейка хотела подняться внутрь, то становилась она внизу и звала:

– Рапунцель, Рапунцель,

Спусти свои кудри!

А были у Рапунцель длинные роскошные волосы, блестящие, будто золотые нити. Как услышит Рапунцель голос волшебницы, так расплетает свои косы, сматывает свои волосы вокруг крюка, что у окна, потом спускает их на двадцать локтей в глубину, и вот по этим-то волосам волшебница наверх и взбирается.

Несколько лет спустя сын короля ехал по лесу на лошади и случилось так, что путь его лежал мимо той самой башни. Вдруг услышал он пение, такое прекрасное, что принц тихо встал и заслушался. То была Рапунцель, что песней решила скоротать время в одиночестве.

Принц хотел было к ней пробраться и искал дверь в башню, но не нашёл. Поехал он домой, но песни ему так запали в душу, что каждый день он выезжал в лес и тайком прислушивался. Как-то раз стоял он за деревом и увидел, что к башне подошла колдунья, и услышал, как она позвала:

– Рапунцель, Рапунцель,
Спусти свои кудри!

Спустила Рапунцель волосы и колдунья взобралась по ним в башню. " Вот она, лестница, по которой можно взобраться в башню, так попытаю и я счастья." И на следующий день, как только началось смеркаться, подошёл он к башне и позвал:

– Рапунцель, Рапунцель,
Спусти свои кудри!

Немедля спустились волосы и принц взобрался в башню.

Рапунцель сильно испугалась когда к ней вошёл мужчина, которого она раньше никогда не видела, но сын короля ласково с ней заговорил и рассказал, что песни её так запали ему в сердце, и он не находил покоя, так ему нужно было её увидеть. Тут и исчез страх у Рапунцель, а когда принц спросил её, хочет ли она за него замуж, и увидела она, как он юн и прекрасен, то подумала она: "А ведь он мне более люб, чем старая госпожа Готтель," сказала "Да" и легла её рука в его руку. И сказала она: «Как же мне хочется уйти с тобой, но не знаю я, как отсюда выбраться. Когда ты будешь приходить, приноси мне каждый раз шёлковую прядь, я буду прясть из неё лестницу и, когда она будет готова, я спущусь по ней и ты увезёшь меня на своей лошади." Условились они, что будет он приходить по вечерам, потому что днём к Рапунцель приходит старуха. А та ничего и не подозревала до тех пор, пока Рапунцель сама не начала ей говорить:

– Как же так получается, госпожа Готтель, что вы взбираетесь по моим волосам гораздо тяжелее, чем сын короля, что оказывается у меня в мгновение ока?

– Ах, ты, беспутная девка! – вскричала колдунья, – что же я от тебя слышу? Я-то думала, что со всем миром тебя разлучила, а ты меня провела! – в безумном гневе схватила она Рапунцель за волосы, несколько раз намотала их на левую руку, а правой рукой схватила ножницы и чик! чик! – прекрасные локоны легли на землю. Без жалости и сострадания она перенесла бедную Рапунцель в пустыню, где та должна была прожить свою жизнь в великой нужде и ничтожестве.

В тот же день, как Рапунцель согрешила, прикрепила колдунья вечером ее локоны прочно к ручке окна, и когда принц пришёл и позвал:

– Рапунцель, Рапунцель,
Спусти свои кудри! -

– то спустились к нему волосы, как ни в чём ни бывало. Но когда он взобрался наверх, увидел он не свою любимую Рапунцель, а колдунью, глядевшую на него злым и желчным взглядом.

– Ага! – закричала она, зловеще хохоча, – так это ты хочешь свою жену любимую увести, да не сидит больше твоя птичка в гнёздышке, не поёт сладких песен, кошка её утащила и сейчас она и тебе глаза-то выцарапает! Потеряна для тебя твоя Рапунцель, и никогда больше ты её не увидишь!

Принц был вне себя от горя и в отчаянии выпрыгнул из башни. Конечно, он остался жив, но шипами, на которые он упал, ему выкололо глаза. Так и блуждал он слепым по лесу, не ел ничего, кроме ягод и кореньев, и только лишь горевал и плакал о потере своей любимой. Блуждал он в нужде несколько лет, и пришёл, наконец, в ту пустыню, где Рапунцель с рождёнными ею близняшками, мальчиком и девочкой, вела жалкое существование. И услышал он голос, до боли знакомый; и пошёл он на голос, и, как только он приблизился, узнала его Рапунцель, упал ей он на шею и расплакались они. И вдруг от этих слез принц прозрел и стал видеть так же

ясно, как раньше. И взял он её в своё королевство, где его с радостью приняли, и жили они ещё долго и счастливо.

10. Гусятница (сказка братьев Гримм)

Жила-была когда-то одна королева, что много лет тому назад овдовела и осталась у неё красавица-дочка. Когда та подросла, была она сосватана за принца, что жил за тридевять земель. Как пришло время выходить замуж и пора было доченьке уезжать в чужую страну, собрала старушка всякую дорогую утварь, драгоценности, золото-серебро, кубки да жемчуга, словом, всё то, что составляет приданое будущей королевы, ибо любила свою дочку больше всего на свете. Также она приставила камеристку, которая должна была сопровождать принцессу и передать её в руки жениха. Обeim дали лошадей, только лошадь принцессы звали Фалада и она умела говорить. Как пришло время расставаться, отправилась королева-мать в свою опочивальню, взяла там ножичек и порезала себе им до крови пальцы; затем положила белый платочек, капнула на него три капельки крови и дала дочери со словами: " Дочка любимая, храни платочек, как зеницу ока: он тебе в пути понадобится."

Итак, они печально попрощались друг с другом. Королевишна положила платочек себе в лиф, села на коня и поехала к своему суженому. Когда они проскакали час, почувствовала королевишна сильную жажду и приказала своей камеристке:

– Спустись с лошади, зачерпни кубком, который ты взяла для меня, воды из ручья и принеси мне, я очень хотела бы попить.

– Если Вы хотите пить, – ответила камеристка, – то сойдите с лошади сами, наклонитесь к ручью, да попейте, а я Вам не девка на побегушках.

Мучимая жаждой, принцесса слезла с лошади, наклонилась над водой и пила из ручья ибо не могла пить из золотого кубка.

– Господи, – сказала она. А три капельки крови на платке ей сказали:

– Если бы об этом знала твоя мать, сердце бы её разорвалось от горя.

И хотя Королевишна была унижена, не сказала она ни слова и села опять на лошадь. Они проскакали ещё несколько миль, однако день был тёплым, светило солнце, и скоро ей вновь захотелось пить. И когда они проезжали речку, сказала королевишна:

– Слезь и дай мне выпить из моего золотого кубка, – давно забыв все сказанные ей дерзкие слова. Камеристка ответила ещё более надменно:

– Если хотите пить – пейте так, я Вам не девка на побегушках.

Слезла королевишна с лошади от большой жажды, наклонилась она над рекой, заплакала и произнесла: " О, Господи!", – три капельки крови на платке ей сказали:

– Если бы об этом знала твоя мать, сердце бы её разорвалось от горя.

И так жадно она пила, так резко наклонилась, что выпал у неё из лифа платочек с тремя капельками крови и уплыл дальше по течению. Испугалась принцесса, когда заметила пропажу. А камеристка, увидев утрату, наоборот обрадовалась, ибо получила она большую власть над королевской дочерью, ведь без тех трёх капель крови королевишна была слабой и беспомощной. И когда та хотела взобраться вновь на свою Фаладу, то сказала ей камеристка:

– Теперь Фалада моя, а тебе и моего Гауля будет достаточно, – и вынуждена была королевишна с этим смириться. Затем камеристка грубо приказала королевишне снять с себя своё королевское платье и надеть её, камеристки, дрянное, и наконец вынуждена королевишна была поклясться перед чистыми небесами, что некому на королевском дворе ни слова об этом не скажет, если она нарушит клятву, то умрёт не сходя с места. А Фалада видела всё, да примечала.

Теперь на Фаладу села камеристка, а настоящая невеста села на худого коня, и так они проследовали дальше, пока наконец-то не въехали в королевский замок. Была великая радость

по поводу их прибытия и молодой принц выскочил им навстречу, помог камеристке сойти с лошади, ибо подумал, что это и есть его настоящая супруга. Вот вошла она по лестнице наверх, а настоящая принцесса должна была остаться и стоять внизу. А в это время старый король выглянул в окно и увидел её, стоящую во дворе, изысканную, нежную и очень красивую; немедля прошёл он в покои своего сына и спросил свою невестку о той, что стоит внизу, как она здесь оказалась и кто она такая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.